

Дарья Сойфер



На грани серьезного



РОМАН



*Кира в шаге от славы, но... ее планы рушит
диагноз врача: либо она забеременеет сейчас,
либо никогда! Только как быть,
если рядом нет кандидата на роль отца?*

Дарья Владиславовна Сойфер

На грани серьёзного

Серия «Романтические комедии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37406044
На грани серьёзного / Дарья Сойфер: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-096763-6

Аннотация

Кира привыкла обходиться без мужчин. Она и сама даст фору любому из них. Программист и стендап-комик, она смотрит на мир с иронией. Но жизнь ставит перед ней сложную задачу: стать матерью сейчас или никогда. И тут уже без мужского вмешательства никак. Где взять отца будущему ребенку? И годится ли на эту роль коллега по комедийному цеху, который попросту не умеет быть серьезным?...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дарья Сойфер

На грани серьёзного

© Кулыгина Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

– Всем привет! Меня зовут Кира, мне тридцать два, у меня нет детей, мужа, и я программист. Как вы понимаете, это совершенно не то, что хочет слышать о своей дочери нормальная мать. И тот факт, что я стою сейчас здесь, перед вами, только усугубляет ситуацию. Потому что стендап еще никому не подарил внуков.

Мне повезло с родственниками. Знаете, не каждый может похвастаться таким обилием людей, которым не все равно. Которые готовы дать совет на все случаи жизни. Наверное, поэтому я пошла в юмор: за последние лет семь только и делаю, что отшучиваюсь на вопрос: «Когда же ждать пополнения?» Волей-неволей приходится придумывать что-то кроме «Я просто переела огурцов». Самое ужасное, что в остроумии тренируются и остальные. Аист заблудился, неурожай капусты, прогуливала в школе биологию... И это только из репертуара моего дяди. Он из тех, кто сам громче всего смеется над собственными шутками.

Меня считают привередой. Еще бы: мне недостаточно классической пары «не пьет, не бьет». Да что уж там, у половины моих троюродных сестер мужья и закладывают за воротник, и раздают затрещины. Но это ж не считается! Потому что любя. Зато эти самые сестры гордо появляются под руку с мужьями на торжествах и за столом по-хозяйски ты-

кают их локтем. При этом жалостливые взгляды почему-то достаются мне.

Если бы за каждый такой взгляд мне давали десять рублей, я давно бы наняла пластического хирурга, сменила паспорт и уехала на Аляску. Или смогла бы обороняться увесистым мешком мелочи. Хотя кого я обманываю? У меня в коридоре стоит полная банка денег, а я до сих пор не отбываю срок за нанесение тяжких и членовредительство.

Все видели «Крестного отца»? Тогда можете считать, что вы побывали на нашем семейном празднике. Не каждый страшен так, как свадьба, но для неподготовленного человека даже скромный юбилей может стать роковым.

Наше застолье – это минимум два дня подготовки до и столько же попыток распахать тазы остатков после. Я спрашиваю: «Может, не надо столько?» И чувствую себя инопланетянином. Как будто спрашиваю не я, а внеземной червь из моего живота: «Зачееем столько оливье?» При этом всегда есть какое-то негласное соревнование. Мол, ну ясно же, почему не доели. Фая слишком крупно режет. Зачем вам этот холодец? Вот попробуйте рыбу, я сама нафаршировала. И каждый раз, протягивая вилку, ты как сапер. Надо помнить, кто что готовил и кому надо раздавать комплименты. Не приведи господь похвалить тете Фae Оксанину «шубу».

Еще одна традиция – это дедов тост. Я люблю своего деда, но ему первому принято давать слово. Мы с братом однажды вывели алгоритм. Сначала обязательно про то, что бы-

ло раньше. Что дети бегали по двору без присмотра, колбасу делали из мяса, а идеалы были светлыми. Потом мы убеждаемся, что нравы упали окончательно, и в этой геенне огненной остался лишь один островок благочестия – наша семья. Потом коротко по каждому члену семьи. Знаете, что такое геометрическая прогрессия? Это о нас. У деда пятеро детей, у каждого из этих пятерых минимум двое, а у каждого из внуков уже давно... Ну, вы поняли. Бездетных осталось двое: я и мой двоюродный брат Коленька, который только перешел в девятый класс. К Коленьке претензий нет, у него скрипка, фигурное катание и медаль по шахматам. И тут, традиционно, все косятся на меня, дед вздыхает, и все опрокидывают по первой. Я уже вижу, как пройдут годы, Коленька, окруженный толпой внуков, поднимет тост вместо деда и тоже посмотрит на меня. Я буду та еще старая перечница с ходунками. Наверное, даже прикреплю к ним теннисные мячики, чтобы они весело поскрипывали при моем приближении. У меня будут две вставные челюсти: рабочая и парадная. А татушка сползет с копчика на щиколотки, и все будут делать ставки, что это: сморщенная бабочка, дохлая птица или китайские иероглифы. И Коленька тоже вот так грустно посмотрит на меня, вздохнет и спросит: «Ну когда же и Кирюша нас порадует?» А тетя Фая – если к тому моменту изобретут капсулы вечной жизни – доверительно наклонится ко мне и расскажет про очень перспективного деда из соседнего подъезда.

Нет, серьезно, откуда в двадцать первом веке эти предрассудки? Во всех американских фильмах героини рожают минимум лет в сорок. А актрисы, которые их играют, и того позже. Откуда вообще этот термин «старородящая»? В двадцать пять лет! Мне страшно думать, что скажут обо мне, если я таки прислушаюсь к родственникам и совлекусь с сыном Евменовых. Если в двадцать пять женская репродуктивная система старая, то в тридцать она уже ветхая? Дряблая? А к тридцати пяти изношена полностью? Или иссыхает и самоликвидируется? Что это за дискриминация по возрастному признаку?

Думаете, кто-то из мужчин парится по этому поводу? Ничего подобного. Есть в зале мужчины за тридцать? Кто-то считает себя старым? Давайте по-честному. Нет таких? Вы видели ребят, которые выходили на эту сцену до меня? Попробовал бы кто-нибудь им сказать, что они старозачавшие. Они все поголовно, все до одного носят кеды. Да, бороды. Но с кедами, Карл! Это какие-то метровикинги, честное слово. У Андрея Касаткина браслетов больше, чем у меня. Seriously! Посчитайте, когда он выйдет. Если все мужики в барбершопах, в узких штанишках и кедах на босу ногу, то в какой момент они должны заняться своими прямыми обязанностями по продолжению рода? Почему я должна владеть свое жалкое старородящее существование, а они – до ночи играть в варкрафт и меряться бородами?...

Кира Скворцова ушла со сцены под разрозненные хлопки. В понедельник вечером клуб почти целиком пустовал. Пили мало, поэтому смеялись редко.

Уже на ступенях она традиционным «дай пять» передала эстафету Эрику Саакяну. И даже не надо было вглядываться в его сочувственную физиономию: и без того было ясно, что выступление – не фонтан. А ведь это он советовал говорить о личном и наболевшем! Когда не смешно самой, что удивительного, если не можешь насмешить остальных?

Кира обернулась: Эрик взялся за микрофон и вальяжно уселся на высокую табуретку, согнув длиннющие ноги в модных вельветовых штанах. За это зрелище женщины в зале были готовы смеяться. Призывно и гортанно. Вон, за передними столиками дамы уже приняли положение повыгоднее... Кира раздраженно мотнула головой и не стала слушать Саакяна.

В гримерке было тускло и пахло чем-то кислым. Еще вчера дружно искали, что сдохло, но так ничего и не нашли. Лампочки и вовсе перегорели неделю назад. Парни традиционно завалили собой единственный сносный диван, и Кире пришлось устроиться на продавленном красном кресле. За кулисами клуб, который музыканты делили со стендап-комиками, выглядел менее презентабельно, чем зал для посетителей.

– Как сегодня? – сочувственно спросил Стас, смяв опустошенную банку пива: он уже выступал и мог теперь рас-

слабиться.

– А... – Кира откинулась на спинку кресла и неопределенно скривилась.

– Будешь? – Леша протянул ей чешское нефильТРованное. Она сглотнула с тоской.

– За рулем.

– Как знаешь, – он передернул плечами, со смачным пшиком поднял открывашку и большими глотками отпил.

Минут десять она на сухую наблюдала, как наслаждаются выпивкой коллеги, слышала раскаты хохота из зала. На этом терпение иссякло, и она встала.

– Никого не подвезти? – Кира взяла со столика сумку с ключами и против воли зацепилась взглядом о зеркало.

Жалкое зрелище. Среди товарищей ее выделяло только отсутствие пресловутой бороды. Рубашка в клетку, драные джинсы, тусклые каштановые волосы. Неудивительно, что очередь из поклонников не караулит ее за дверью. Ну нечестно же! Парни не в смокингах, а на них вешаются юные престелстницы. А ее вон вчера в очереди назвали женщиной...

– Время детское... – Стас откинулся на спинку дивана. – Поехали с нами.

– Чтобы вас потом пьяных развозить? Обойдешься.

Стас хохотнул, Леха довольно заулыбался. Везунчики!

– Слушай, Кир, – окликнул ее Андрей Касаткин, когда она уже накинута любимую кожаную куртку и схватилась за ручку двери. – А ты на кастинг собираешься?

– Какой? – насторожилась она.

– В телепроект. Отбирают в конкурс, победители войдут в основной состав стендаперов. И деньги хорошие, и пиар.

– Куда мне... А что, правда хорошие?

– Больше, наверное, чем у тебя в техподдержке. А потом всякие корпоративы пойдут... Вот где золотая жила. Забьешь на офис. И мужиков там богатых пруд пруди.

– Фу, надо тебе все испортить! И сто раз говорила: я не в техподдержке, я – разработчик... Кто-нибудь из наших идет?

– Я пойду, – пожал плечами Стас. – Ну, Андрюха, он это и откопал. Саакян, ясен пень. Правда, сходи. В лоб не дадут.

– Думаешь? – Кира задумчиво прислонилась к косяку и потеряла переносицу. – Не факт, что я пройду отборочный... Слышал, как тухло сегодня было? Залу почти не зашло. А я это неделю писала. Ну на фиг...

– Сегодня ни у кого не зашло, – мотнул головой Леша. – Понедельник, вечер... Вообще не наша публика. Нормально ты выступала! Подправить кое-что и...

– Короче! – Андрей подался вперед. – Я тебе все скину, решай сама. Какой смысл всем этим заниматься, если ты даже попытаться не хочешь?

Кира дернула плечом и вышла. Касаткин был, конечно, прав. Она сама иногда недоумевала, какой леший занес ее в стендап. Как-то случайно вышло. Ее и в команду КВН в институте взяли, как единственную девочку на курсе. В физте-

хе-то. Надо было какие-то сценки разбавить. Ерунда, текста на две строчки. Но ей нравилось собираться после пар в пустой аудитории, готовиться, рисовать декорации. Какая-никакая, а движуха. А дома что? Вымой посуду, разбери вещи... Тоска. А потом вдруг пришла мода на стендап. То было караоке, а стал стендап. На какой-то вечеринке был открытый микрофон, Кира вышла покуражиться... И на удивление подсела. Сначала приходила больше других послушать, потом стала готовить свои шутки. Леша Крашенинников, бывший однокурсник и коллега по команде КВН, затащил в клуб, где они вечерами тусовались... И все это переросло в хобби.

Она не рассчитывала на большое будущее. Да, с удовольствием смотрела выступления крупных комиков, но сама – и на экран? Не по Сеньке шапка. Конечно, догадывалась, приходя в офис по утрам, что не желает однажды здесь скопиться от рутины и однообразия, но и артисткой себя никогда не считала. И все же... Может, попробовать? А вдруг? Хотя бы родители перестанут считать, что она мается ерундой.

Из размышлений ее вывели подмигивание желтого светофора и телефонный звонок.

– Да! – ответила она по громкой связи, миновав перекресток.

– Ты уже подъезжаешь? – огорошил ее материнский голос.

– Э... Куда? – осторожно поинтересовалась Кира.

Ее мама, Нора Альбертовна, не покидала Нижний Новгород лет уже эдак пятнадцать. А Кира эти самые пятнадцать лет всячески избегала родных мест. Сначала – общежитие института, потом – квартира отцовой тетки... Иными словами, Москва, и только Москва. Поэтому с чего бы ей подъезжать к маме в разгар рабочей недели, если ни свадьбы, ни юбилея ни у кого из родни не предвидится?

– Как куда?! – ахнула Нора Альбертовна. – А забрать Катюшу?

– Твою ж... – Кира прикусила язык. – Когда?!

– У нее поезд полчаса назад должен был прийти! Я же говорила! И на почту...

– Подъезжаю. Пока, мам, наберу, как доедем.

Кира добралась до первого разворота и направилась в обратную сторону. В памяти сразу всплыл разговор месячной давности. Двоюродная племянница – или как там правильно назвать дочку кузины – поступила в московский институт. Разумеется, не по общежитиям же ребенку скитаться. Решено было подселить к Кире. И как можно было забыть!.. Теперь никаких гостей, посиделок, только нянчить и оберегать великовозрастное дитя. Если оно уже не потерялось на вокзале.

Эти железнодорожные опухоли все так же светились неоновом и пахли бездомными. Приближение вокзала чувствовалось за два-три квартала: метастазами распространялись таксисты, попрошайки, баулоносцы и торгошники. Новомодный

антураж не изменил злачной сути.

Завидев на ступеньках беспомощно озирающуюся Катюшку, Кира ощутила острое сочувствие. Такая аккуратная, хрупкая, сжимающая двумя руками чемодан на колесиках... Просто Мария, ни дать ни взять. Приезжих всегда очень хорошо видно по старательности, с которой они относятся к собственному облику. Все лучшее из закромов. Пиетет к столице великой страны. Нет, их не спутать с аборигенами. Кира давно усвоила: если человек вышел с утра в магазин растрепанный и чуть ли не в пижаме, то это явно москвич в десятом поколении.

Кира набрала племянницу, но услышала только механическую отповедь про недоступного абонента.

– Катерина! – крикнула Кира, высунувшись из окна под ревнивыми взорами таксистов.

Та вздрогнула, замахала и так рьяно бросилась вниз по гранитным ступеням, что Кира не на шутку испугалась.

– Слава богу! – выдохнула Катюша, плюхаясь на заднее сиденье. – Они все на меня так накинулись! «Девушка, девушка»... А телефон разрядился, и адрес твой я не помню... Ты, наверное, в пробках стояла?

– Угу, – заталкивая совесть поглубже, соврала Кира. – Голодная?

– Не переживай. Мама мяса передала, лечо. Сейчас быстро приготовим что-нибудь.

Приготовим... Говорить ей, что в холодильнике еще со-

хранились отпечатки сотрудников магазина? Что лучший ужин – это осетинский пирог с зеленью из пекарни на первом этаже? Или тогда она навеки падет в глазах родственников и ее официально признают невыдаваемой замуж?

– Давай все же заедем, перекусим... – уклончиво ответила Кира. – Я угощаю. Отметим приезд...

– Ладно... – сдалась Катюша. – Я бы что-нибудь выпила.

– В смысле?! Тебе разве можно?

– Мне восемнадцать.

Кира недоверчиво покосилась в зеркало заднего вида. Восемнадцать?! И почему ее никто не предупредил?! Ах, ну да. Институт же. В институт же поступают совершеннолетние... Так, кажется? Да и сама Кира на первом курсе могла переписать любого, спасибо папе с братом. Но Катюша?! Девочка с косичками, которой дед построил целый дворец для кукол? Катюша, которую Кира лично учила кататься на велике? Восемнадцать... Так что же это получается? Она будет водить парней и все такое? Вечеринки? А отвечать за последствия кому?... Ох, вот вечно от родни проблемы...

– Нет, если ты против, я не буду... – спохватилась Катя. – Ты не думай, я просто отметить.

– Ну да, ну да...

Они подрулили к небольшой итальянской кафешке, и Кира заказала большую острую пиццу. В ярком освещении Катя оказалась еще старше: и косметика, и взгляд, и фигура. Девушка. И от этого Кира почувствовала себя ископаемым.

– Как там наши? – спросила она, чтобы прервать неловкую паузу.

Катюша набрала побольше воздуха и пустилась в рассказы. Кто сменил работу, кто ипотеку оформил, у кого инфаркт, а у кого машину поцарапали. Пожалуй, о такой дочери мечтала Нора Альбертовна. Чтобы сидеть вечерами на кухне и мусолить всякую бытовую чепуху. Кира потягивала холодную колу и вполуха слушала семейные новости. Со всем отключиться она не могла: вдруг ей сосватают очередного жильца, а она ненароком согласится.

– А Юля уже второго ждет. Говорят, мальчик, – с горящими глазами сообщила Катя и прижала пальцы к губам. – Ой, прости, тебе, наверное, неприятно...

Кира усмехнулась. Отлично! Родня дошла до нового уровня такта и толерантности.

– С чего ты взяла? Я рада за нее.

– Ну... – Катя замялась. – Мама говорит, тебе неприятны все эти разговоры и намеки... Я же вижу, какое у тебя лицо, когда дядя Жора пристает со своими шутками. Если хочешь знать, я с ними не согласна. И не думаю, что у тебя жизнь не задалась, потому что...

– У меня жизнь – что?! – опешила Кира.

– Извини, – Катя смутилась окончательно. – Давай просто забудем...

– Да нет, мне прямо интересно. Не задалась? Потому что я еще не стираю носки мужу и не глажу пеленки? Серьезно?!

– Говорю же: я так не думаю! Наоборот, я всегда хотела быть такой, как ты.

– Это какой? – прищурилась Кира.

– Крутой... Самостоятельной. Ты живешь, как хочешь. Машина у тебя. И поступаешь как тебе нужно. Ты – сильная. Я потому и уехала. Тоже так хочу. Найду работу, деньги свои заведу. Хочу независимости.

На какое-то мгновение Кира снова увидела перед собой девочку. Красные уши, сережки-висюльки, румянец и старательно замазанный прыщ на лбу. Но самое главное – этот максимализм. Нет, она была рада, что хоть кто-то в семье считает ее примером для подражания. Но тем досаднее было разубеждать дитя, что взрослая независимость – всего лишь иллюзия.

Когда-то Кира тоже мечтала: уедет, заработает денег, позволит себе все, что угодно. И вот она выплачивает кредит за машину, перечисляет коммунальные платежи. А еще тратится на бензин. И работа, которая вынимает душу. «Добрый день, компания „Айтиком“, Кира, чем я могу вам помочь?» Не писать приложения самой, как ее учили. А налаживать криворукое творчество других. И где? Бухгалтерское программное обеспечение. Это как-то сделало ее счастливее? Не факт. Да, она не варит изо дня в день суп для мужа, как ее мать, не превратилась в затюканную бессловесную домохозяйку, для которой высшее счастье – если удалось купить на рынке хорошую говядину, а рассада помидоров по-

лучилась крепкой и рослой. Но и свободой пользоваться толком не выходит.

Домой они с Катей вернулись поздно. Гостеприимства Кире хватило только на то, чтобы выдать племяннице полотенце, комплект постельного белья и показать, где стоит холодильник. Насыпав коту Линуксу корма, Скворцова уединилась в своей комнате и с наслаждением вытянула ноги на диване. День вышел длинным.

Сытый Линукс с безразличным видом запрыгнул на подлокотник и устроился рядом, пялясь куда-то в другое измерение. Длинное и ушастое создание больше напоминало гуманоида, чем кота, но со временем Кире удалось к нему привязаться. Линукс достался ей от однокурсника Мельникова. Тот страдал аллергией, поэтому родители завели котенка корниш-рекс. Фигурой он походил на сфинксов, но при этом был покрыт курчавой, как каракуль, шерстью. И не линял. Однако семья Мельникова эмигрировала в Канаду, и породистое существо пришлось приютить Кире.

Поначалу ей казалось, что Линукс ее не переваривает, но потом она узрела, как он относится к чужакам, и поняла: кошак к ней благосклонен. Иногда ей даже казалось, что он мурлычет, но хищный взгляд узких зрачков предостерегал от излишней фамильярности.

Легонько погладив Линукса, названного в честь операционной системы, Кира устало прикрыла глаза. Но и тут расслабиться не удалось: визгливо заверещал мобильный. Кот,

прижав уши, слинял. А на экране высветилась самодовольная и холеная физиономия Эрика Саакяна, любимого клиента барберов или, проще говоря, цирюльников.

– Куда ты делась? – спросил армянский стендапер вместо приветствия.

– Так, надо было... А тебе чего не развлекается?

– Леша говорит, ты не хочешь на конкурс. Правда, что ли?

– Не решила еще... – Кира вздохнула. – Хочешь избавиться от конкурента?

– Если продолжишь в духе феминисток, ты мне не конкурент, – Эрик хмыкнул, и она явственно представила, как он сейчас улыбается собственной шутке, словно он находился с ней в одной комнате.

– Ха-ха, – ехидно протянула она.

– Нет, правда. Не прощу, если ты не придешь. Тем более я сам за тебя подал заявку.

– В каком смысле? – Кира резко села.

– Вот так. Только не начинай. Сама потом будешь благодарить.

– Саакян, ты меня ни с кем не перепутал?! – разозлилась она. – Я в состоянии сама...

– Знаю, знаю... Ты в состоянии сама решить, сама сделать, сама заплатить, сама перебрать карбюратор и системный блок. Ничего не забыл?

– Совесть ты забыл, Эрик! И чувство самосохранения.

– Слушай, в конце концов! Не хочешь – не приходи. Но

тогда я буду точно знать, что ты струсил. И когда через неделю в клубе на Пятницкой в восемь вечера тебя не будет, я пойму: ты честно признала, что слабее меня как комик, что женщинам в стендапе не место. И это – твоя позиция...

– Иди к черту! – Кира сбросила звонок и яростно отшвырнула телефон в дальний угол дивана.

В ушах у нее еще звучал наглый смех Эрика Саакяна. А еще друг называется! И кем она теперь будет, если не утрет ему нос? Нет, она вывернется наизнанку, уделает его, как центр Москвы перед Днем города, и только потом решит, нужен ей этот телепроект или нет.

Глава 2

– Так ты, значит, теперь по телику будешь выступать? – Оля округлила глаза и уважительно кивнула. – Ну надо же... Респект.

Они с Кирой традиционно делили обед в небольшой офисной каморке с прозрачными стенами. Все, на ком не висели кредиты, питались в столовке, а Ольга с Кирой экономно обходились кофе и сэндвичем из микроволновки. Минус у этого мероприятия был один: не закрывающаяся дверь и вид на кабинет начальства.

– Еще неизвестно. Пока только кастинг... – начала было Кира, но Ольга даже не дала ей договорить.

– Ерунда все. Тебя не могут не взять.

Кира недоверчиво взглянула на подругу: Липкина являла собой позитивный настрой. Модные выбритые виски, дерзкая рыжая шевелюра и голубые блюдца-глазищи. Дружба дружбой, но Кира опасалась однажды перейти дорогу этой женщине и оказаться в числе ее врагов. Эта могла убить и взглядом.

– Не знаю... Если там все хоть в половину такие же сильные, как Эрик или Андрей...

– Да брось! Таких, как они, пруд пруди. Два самовлюбленных кобеля. Все шутки про то, что девушки – дуры. Или ниже пояса. Нет, они далеко не уйдут. Тебе только надо проду-

мать имидж...

– Это не конкурс красоты, а стендап.

– И что? Любое оружие пригодится. Только пообещай: как только тебя возьмут, пройдишь бульдозером по нашему Локоткову, – Оля покосилась на дверь начальника. – И потом смело увольняйся. Нет, лучше сначала увольняйся, а потом...

– По Локоткову я пройду, когда закрою кредит на машину, – резонно отозвалась Кира, понизив голос. – Слава богу, он кроме девиц в Интернете ничего не смотрит, и не в курсе, что я вообще комик. Иначе...

– А разве обеденный перерыв не закончился восемь минут назад? – раздался у Киры над ухом гнусавый голос Локоткова.

Она обернулась: коричневый костюм, потная лысина, брыли, как у английского бульдога, и мерзко вывернутая нижняя губа. Не человек – жаба.

– Да, Сан Сергеич, уже уходим, – кивнула Кира, поднимаясь.

Локотков ощупал обеих сальным взглядом и, недовольно потряхнув желейнными подбородками, двинулся в свой кабинет.

– А разве твое мужское достоинство не закончилось тридцать восемь лет назад? – шепотом передразнила начальника Оля. – Убила бы! Если ты его не раскатаешь в следующем же выступлении, мне придется самой выходить на сцену.

– Пошли лучше по местам, а то опять прицепится...

– Иду... Слушай, у тебя нет с собой гигиенических выручалочек? Первый день, я боюсь даже встать резко...

– А, этих... Посмотрю в столе. Я все лето про них не вспоминала.

– В смысле?!

– Ну, как-то... Видимо, цикл сбился.

– Нет, погоди-ка! Что значит «сбился»? Ты делала тест? – Ольга стиснула запястье Киры. – Кто там у тебя весной был? Миша?

– С Мишей мы пару раз в кино ходили. Не было никого. И тест не нужен.

– Да ты с ума сошла?

– Одиннадцать минут! – донеслось из кабинета Локоткова.

– Я тебе потом напишу! – яростно шепнула Оля, прежде чем вернуться на свое рабочее место.

Кира плюхнулась за серую перегородку, одну из десятка. Сверху офис был больше похож на пчелиные соты: в каждой закуске жужжал по гарнитуре сотрудник. Вот и ей пришлось нацепить наушники, подключиться к сети, и уже через минуту операторы перевели на нее звонок.

– Добрый день, компания «Айтиком», Кира, чем я могу вам помочь?

– Девушка, меня обещали соединить со специалистом, – отозвался раздраженный клиент.

– Я вас слушаю.

– Не с оператором, а со специалистом.

– Да, чем я могу вам помочь?

На такие вопросы она отвечала раз по десять на дню, поэтому они уже не вызывали возмущения. Вместе с гарнитурой Кира надевала прочную броню: защиту от человеческой тупости и скандальности. Убедив непроходимого господина в собственной компетенции, она пообещала все доделать к вечеру. Но он не унимался, и ей пришлось, как какой-нибудь несчастной студентке, подключаться к его компьютеру, чтобы вести наладку собственноручно. Как жалко, что именно сегодня Артем на больничном, обычно он ведет «Стройинвест»... Их финансовый директор вместо обоев повесил себе изображение знойной тетki в бикини. Не рабочее место, а кабина дальнобойщика.

Кира брезгливо мотнула головой. Чужой компьютер – как чужая квартира. Сразу многое сообщает о владельце. И увлечения, и грешки, и чистоплотность – все налицо. Рабочий стол, усыпанный мириадами иконок... Тысячи ненужных программ... А потом они жалуются, что приложение плохо работает! Чуть что – виноват разработчик. И все упреки – им, безликим сотрудникам. Наверное, именно так докапываются до стюардесс пьяные пассажиры.

Вдобавок от попыток помочь клиенту Киру постоянно отвлекал мобильник. Без конца вибрировал, грозясь в любой момент взорваться. С трудом выполнив трудовой долг, она

наконец склонилась над экраном: там буйствовала Липкина. Еще бы, она же из бухгалтерии, ей главное – сохранять видимость работы. Вот, уже успела настрочить кучу сообщений:

Ты с ума сошла?

Сделай тест, у меня в столе лежит.

Нет, он просрочен.

Ты уверена?

Все лето – задержка?

И ни разу к врачу?

АУ! Кира!

Короче, я тебя записала к своей.

Мировая тетка.

Сегодня после работы. Хочешь – поеду с тобой.

Слышишь меня? Вот ссылка, там в контактах адрес.

Платно, но не очень дорого. Тетка СУПЕР!

Скворцова! Не отвертисься!

Кира вздохнула и отделалась емким «ОК». Вот именно поэтому она не любила женскую дружбу. Выросла с младшим братом, и поскольку все время приходилось за ним присматривать, влилась в компанию. Вместе носились по гаражам, вместе жгли шины, вместе чинили «шестерку» Витьки из второго подъезда, которая ему, счастливчику, досталась от отца. Все детство было пропитано запахом бензина и драками за право рубиться в «Мортал комбат». У врача Кира последний раз была... Да, на диспансеризации в институте.

И то по принципу: «Жалобы есть? – Жалоб нет. – Следующий!» И хотя Ольга меньше остальных страдала девчачьими заморочками, даже с ней не обошлось без разговора о месячных.

Ясное дело, от одного визита к врачу Кира не обеднеет. Можно и сходить, чтобы успокоить совесть. Временами она думала, что женская часть ее организма поняла, что пользоваться ею никто не будет, и ушла в отказ. Или просто от долгих лет в мужском коллективе Кира тоже начала превращаться в носителя Y-хромосомы. Но ведь Ольга этим объяснением не удовлетворится, поэтому доктор – значит, доктор.

В семь вечера в стерильном кабинете платной клиники Киру встретила колоритнейшая тетка Ума Тагировна. Она сильно походила на мясника Рафика из Нижнего, у которого мама всегда по доброй дружбе первой отхватывала лопаточную часть. Разве что у Рафика усы были не такие густые, а мочки Умы Тагировны оттягивали крупные гранатовые серьги.

Ольга Липкина ободряюще потрясла большими пальцами и осталась в коридоре, и за Кирой захлопнулась дверь пыточной. Что имела в виду подруга под «мировой теткой», так и осталось загадкой. Ума Тагировна осматривала новую пациентку с таким выражением лица, будто та страдает жуткой болезнью и сама в этом виновата. Кира с трудом поборола желание нагнуться вниз и посмотреть, не выросли ли у нее зубы или щупальца. При этом женское воплощение мясни-

ка Рафика отказывалось сообщать результаты до окончания осмотра.

Выпустив Киру с кресла, Ума Тагировна повела ее в кабинет УЗИ. А уж там, поохав на пару с коллегой, траурным голосом вынесла вердикт:

– Раннее истощение яичников.

– С чего бы им истощиться? – подняла брови Кира. – Я ими ни разу не пользовалась.

– Это не шутки, девушка, – Ума Тагировна уселась за стол. – Мы, конечно, назначим кое-какие анализы. Но дело плохо.

– В смысле?

– Это ранний климакс, если вам так понятнее. Для улучшения качества жизни вам придется получать заместительную гормональную терапию...

– Да я не жалуясь на качество жизни! – Кира натянула джинсы, чтобы хоть отчасти вернуть самообладание. – Наоборот.

– А жар? Приливы? Сухость? – по-эсэсовски допрашивала Ума Тагировна.

– Да нет ничего такого...

– Вы просто привыкли не обращать внимания. Не следите за своим здоровьем. Обратились бы к нам чуть пораньше...

– То есть теперь у меня никогда не будет детей?

– Ну почему. Окончательный вердикт еще не вынесен. Можете пытаться, но скорее всего, придется рассматривать

вариант с донорскими яйцеклетками.

– Я пока не собиралась...

– В вашем возрасте не остается времени для сомнений, – отрезала Ума Тагировна. – Либо вы станете матерью, либо нет.

– Пока еще зреет фолликул, – вмешалась узистка. – Но он слишком мал, и я не могу точно сказать, станет ли он доминантным. Пока картина неутешительная.

– Вам срочно надо пройти анализы и приступить к лечению, – врач запустила принтер, и из него полезли многочисленные распечатки.

Кира взглянула на цифры и шепотом выругалась. Если пару месяцев питаться только хлебом...

– Завтра сдадите, в пятницу жду вас у себя. Назначу таблетки, организм должен заработать. Мы попробуем стимулировать в следующем цикле, и если ответ будет...

– Простите, а что именно мы будем стимулировать? – напрыглась Кира.

– Как что?! Яичники, разумеется! Если все же ответ будет, – Ума Тагировна постучала пальцами по столу. – Вызовем овуляцию и попробуете зачать. Но в начале цикла лучше подойти на ультразвук, чтобы мы определились с тактикой.

– То есть я прямо в следующем месяце должна завести ребенка?!

– Если вы вообще планировали иметь детей, – поджала губы Ума Тагировна, и гранатовые серьги осуждающе зака-

чались.

Сжав пугающие листочки, Кира выползла в коридор. Только за дверью ей пришло в голову, что она так и не сообщила врачу одну незначительную деталь: ей *не от кого* заводить ребенка.

– Ну как?! – накинулась на нее Ольга.

Кира молча дернула головой и двинулась на ресепшен. Разумеется, со всем этим ультразвуком вышло дороже, чем она планировала, но теперь некогда было об этом задумываться. Машинально ввела пин-код, не испытав привычного сожаления по поводу осиротевшей кредитки. Анализы, овуляция, зачатие... Это все не про нее! Думала, сначала разберется со своей жизнью, наработает фундамент. А уж детей настрогать – дело нехитрое. И нате. Вдруг встала в долгую очередь тех, кто с безумным взглядом скачет по врачам и после секса лежит, задрав ноги. Не говоря уж о том, что последнего у нее не было... Сколько? Полгода? Больше? И надо что-то сказать Оле... Сейчас начнется сочувствие, жалость. Фу! А маме? Ей-то как сказать?! Ее удар хватит! И пусть Олег, младший брат, уже женился и завел дочь, Нора Альбертовна никак не успокоится со своими планами на Киру...

– Да что случилось? – не унималась Ольга. – Ты бледная. Что тебе сказали?

– Надо срочно рожать. Истощение, стимуляция... Сама не разберусь.

– Как рожать? От кого?

– А вот это я не успела спросить, – невесело хмыкнула Кира. – Меня они собрались стимулировать, а то, что мужа у меня нет, никого не волнует.

– Да вы не переживайте! – с вежливой улыбкой встряла девушка-одуванчик за стойкой. – У нас замечательная база доноров. Заполните заявление, и я дам вам индивидуальную подборку. Вся родословная, тесты на наследственные заболевания... Хотите блондина, хотите брюнета. В вашем возрасте многие приходят к тому, чтобы самостоятельно воспитывать ребенка.

Оля бросила короткий взгляд на Киру и, мгновенно оценив ситуацию, накинулась на несчастную сотрудницу клиники.

– В вашем возрасте?! – рявкнула она. – И что это должно значить? Сколько нам, по-вашему, лет?! Есть у нее муж, нет у нее мужа – только ее личное дело. И личный выбор. И она имеет право сама решать, что делать со своей жизнью, ясно? В вашем возрасте! Если женщине слегка за тридцать, и она не легла костыми, чтобы кому-то целыми днями варить борщи...

– Простите, пожалуйста, я совершенно не это имела в виду, – смутилась девушка-одуванчик, покрываясь красными пятнами и нервно оглядываясь на посетителей в холле. – Наша клиника толерантна и рада помочь любым парам...

Несколько секунд Липкина ловила ртом воздух, подбирая слова.

– Да вы... Вы что там... Какого?...

На этом Кира за локоть выволокла ее на улицу.

– Что она имела в виду?! – возмущалась Ольга, плюхаясь на пассажирское сиденье.

– А я предупреждала: эта стрижка слишком смелая, – Кира вставила ключ в зажигание.

– Вот овца! И это после того, что я уже лет пять их постоянная клиентка! – Оля с усилием выдохнула и наконец взяла себя в руки. – Так что тебе сказали? Объясни на пальцах.

Необходимость смотреть на дорогу не дала раскиснуть, и Кира смогла спокойно пересказать разговор с врачом.

– Злишься, да? – после недолгого молчания тихо спросила Ольга.

– На кого?

– Ну, это же я тебя туда притащила...

– Перестань. Даже хорошо, что я все узнала сейчас. Может, лет через пять, когда я бы дошла до ЗАГСа, у меня бы там уже все скукожилось окончательно и безвозвратно. А так я хоть смогу предупреждать женихов заранее.

– Ты иногда бываешь серьезной?

– Серьезнее некуда. Сделаю татушку под пупком. «Осторожно, климакс».

– Кира...

– А что? Зато буду точно уверена, что выйду замуж исключительно по любви.

– Не валяй дурака! Просто реши, нужно тебе оно или нет.

Смени врача, в конце концов. Твоя жизнь, твоё тело. Рожать только потому, что пора? Я бы не стала. Слушай, ну вот не готова я к детям. И не люблю их. Крики, визги, сопли. Последний раз летела в Тай с одной семейкой... Ты не представляешь! Это ад! Дети орали, дрались за планшет, громко смотрели мультики, пинали меня в спинку... Я была рада только одному: что я выйду из самолета и больше их никогда не увижу. А их несчастная, измотанная мамаша будет так «отдыхать». Если это вообще отдых. И болеют они все время. Я с Тесси задолбалась в ветеринарку таскаться. А тут дети... В конце концов, если припрет, всегда можно усыновить, да? И никаких тебе послеродовых депрессий, растяжек, разрывов и геморроя. Сестра моего бывшего, Вадика, первый месяц вообще рыдала в туалете. Оно тебе надо? Нет, я каждый раз испытываю облегчение, когда тест отрицательный. Созрею – усыновлю, точно тебе говорю. И это благороднее. Зачем морочиться, если в мире куча детей, которым нужна семья?... Кир? Ты меня слушаешь?

Кира смотрела без выражения на номерной знак машины перед собой. Но спроси ее кто-нибудь, какие там цифры, она бы не смогла ответить. Столько лет она растолковывала родне примерно то же, что озвучила Оля. Что не готова, что не созрела... Еще что-то... И совершенно не ожидала, что одна встреча с доктором так ее заденет. Казалось бы: чего переживать? Сама ведь не собиралась. И уж точно не планировала потратить десятки тысяч на какие-то там анализы и гор-

моны. И все же система дала сбой, и в мозгу будто загорелся синий экран с иероглифами.

– Нет, ты только скажи, – донесся откуда-то издалека голос Ольги. – Если что – я с тобой. И поддержу, и помогу. Вместе будем донора выбирать.

– Тебя до метро? – вдруг хрипло спросила Кира. – Я бы сейчас лучше одна...

– Как скажешь. Вон там, после светофора... И все же подумай, я серьезно.

– Ага. На кастинг придешь?

– Кастинг? Какой?!

– Отбор для телепроекта.

– Я постараюсь. Но если ты...

– Вот и ладненько, – Кира нарочито бодро улыбнулась. – Увидимся завтра на работе.

Глава 3

В целом Катюша оказалась бесценным жильцом. То ли из чувства благодарности, то ли чтобы произвести впечатление, она надраила квартиру и в первый же вечер приготовила ужин. Кира и не подозревала, что у нее есть столько посуды для готовки. И зря боялась, что племянница будет приставать с расспросами: та тихо торчала в своей комнате, и Кира смогла спокойно переварить медицинские новости в одиночестве.

Однако уже на второй день поняла, что если в ее сознании еще хоть раз всплывет термин «овуляция», то на прием придется идти уже к другому врачу. И сама решила заглянуть к гостье.

Екатерина успела превратить помещение, куда раньше изредка заваливались с ночевкой Кирины друзья, в девичий будуар. Непонятно откуда взялся на подоконнике горшок с цветами, приятно пахло средством для стирки, плед на стареньком диване казался таким пушистым, что в него хотелось зарыться лицом. Даже Линукс, вредное курчавое чудо генетики, предпочел обосноваться у Катюши.

Автор перемен сидела за столом с учебниками, но занята была далеко не учебой. Она что-то мило мурлыкала в телефонную трубку, и в ее речи то и дело проскакивало неведомое Кире слово «мусик».

Так держать, Скворцова! Племяша только перешагнула порог совершеннолетия, а у нее уже есть «мусик». Ну а тебя моментально продал за теплый плед даже четвероногий парень... Не говоря уже о собственных яичниках.

Кира хотела уже снова прикрыть дверь, как Катя заметила ее и спешно прервала разговор.

– Прости, – заявила разбурянная прелестница. – Мой парень из Нижнего. Так скучаю...

– Понимаю, – Кира кивнула, надеясь, что неопытность не позволит Екатерине сразу распознать ложь.

– У тебя все в порядке? – заискивающе спросила Катюша. – Не хотела тебя беспокоить, тебе и так, наверное, не нравится, что я тут...

Что это промелькнуло в глазах Бэмби? Страх?!

– Перестань, все свои, – максимально дружелюбно ответила Кира, чувствуя, как от непривычного выражения лица сводит скулы. – Ты в пятницу вечером что делаешь?

– Ну, пары в три закончатся. Потом библиотека... А что?

– На выступление ко мне пойдешь?

– Что?...

Ну, ясно. Мама решила не позориться перед родней рассказами о стендапе. Хватит с нее того факта, что ее непутевая дочь не принесла потомства.

– Приходи – увидишь. Дам тебе адрес.

Кира сама пока плохо представляла, с чем выйти к телевизионщикам. Честно взяла пустой блокнот, положила перед

собой. Но чувство юмора сдохло вместе с репродуктивной системой. Шутить о себе? Она попыталась, но вышло зло.

«Все знакомые советуют мне завести детей. Как будто это модный аксессуар или чихуахуа. „Это изменит твою жизнь! Только теперь я понимаю, что такое любовь! Это такое счастье...“ Слушайте, это сильно смахивает на секту. Нет, я рада за друзей, но почему вам так важно, чтобы все вокруг стали адептами этой странной религии?! Почему миллионеры не говорят: „Срочно заведи деньги! Это такой кайф, ты представить себе не можешь! Да, сначала будет тяжело, но оно того стоит! Этот момент, когда ты держишь в руках новенькие купюры... Они так сладко пахнут... Хочется оберегать их от всего мира...“ Такого ведь нет? А я скажу почему: люди не любят делиться хорошим. И это сразу наводит на мысль. А так ли хороши дети, что надо их нахваливать на каждом углу? Или это больше аутотренинг? Или просто коварный план: если мы вляпались по уши, то пусть и другим будет не лучше?... Нет, я ничего не имею против детей, потому что из них получаются люди. Сомнительный бонус, но не суть. Я их видела. Я серьезно: видела, слышала, нюхала. У меня достаточно племянников, чтобы понять: это история с подвохом...»

Кира выдернула исписанный листок и с ожесточением скомкала его. Кого она пытается обмануть? Себя? Повезет, если не разрыдается прямо на сцене.

И почему она сейчас должна об этом думать? Или это ти-

пичная история запретного плода? Или чертовы гормоны решили устроить финальный всплеск?

Не с кем даже поговорить! Катя моментально растрезвонит по всей родне. Мама заохает, что надо было вовремя ходить по врачам. Ольга? Ольга со своей жалостью... Кира машинально взяла в руки телефон и пролистала последние вызовы. Саакян... Везет мужикам! Их ресурсы для размножения неиссякаемы. Хочешь стать отцом в сорок? В пятьдесят? В семьдесят? На здоровье! Хочешь, вообще никогда не женись. Хочешь – заведи ребенка на стороне, иногда перечисляй скудные алименты и дари раз в год огромную мягкую игрушку. Какого-нибудь кислотно-розового зайца из тех, что продают у трассы. Которому твоя пассия дрожащими от недосыпа руками сможет нанести двадцать ножевых.

Эрик Саакян. Он был хорошим другом, блестящим стендап-комиком, олицетворением всего, что Кира ненавидела в мужчинах. Она всю жизнь наблюдала за семьей родителей. Папа – добытчик. Глава в доме. Захотел купить машину? Купил. Захотел новую шлифовалку? Купил. А мама с виноватым видом выпрашивала шкаф в прихожую. А зачем? На старую вешалку все нормально влезает.

Ведь Нора Альбертовна когда-то была математиком! В голодные годы готовила поступающих не куда-нибудь, – в Бауманку. И в кого превратилась? В домохозяйку. Загрубевшие от бесконечной работы руки. Седые волосы. Сизая морщинистая кожа. Нора Альбертовна тайком утешалась крепки-

ми сигаретами и искренне верила, будто никто об этом не подозревает. Все блюли ритуал: делали вид, что старой собаке Чаки смертельно необходимо три раза в день гулять, а от Норы Альбертовны не тянет махоркой.

И Олег пошел по стопам отца. Завел ребенка, устроился менеджером. Деньги – в дом. Но уж за это никаких домашних обязанностей. Если я с друзьями в бар – значит, в бар. Если в гараж – то в гараж. А жена пусть как-нибудь сама, она же все равно целый день дома отдыхает. Кто через весь город мчится укачивать внука? Нора Альбертовна. А Олег – с друзьями, он – добытчик, он заслужил.

Кира любила маму. Но временами ей становилось жутко досадно за нее. Откуда взялось это придыхание, этот благоговейный трепет перед мужчинами? Папа – ведь просто папа. Обычный человек. А мама смотрит на него, как на царя зверей. Взять того же льва: в чем его заслуга? В гриве? Или в том, что он все время лежит, жрет и осеменяет прайд направо-налево, пока многочисленные самки подтаскивают ему новые и новые тушки?

Кира снова взялась за ручку и записала мысли про льва. Почему-то на месте самодовольного кошака ей виделась физиономия Саакяна, и язвительные шутки рождались сами собой.

Словно уловив флюиды агрессии в свой адрес, Эрик тут же возник на экране ее мобильного. На заднем фоне слышалась женская болтовня. Что ж, никто и не сомневался. Вы-

пасай свой прайд, Саакян, до пятницы еще полно времени.

– Чего? – недовольно отозвалась Кира.

– У тебя ПМС, что ли?

Она стиснула мобильный.

– Ты по делу?

– Нет, если ты не в духе, я лучше...

– Саакян! Твою мать, если ты сейчас же не скажешь, зачем звонишь, я...

– В Юрмалу едешь?

Вопрос был неожиданным, как удар под дых, и Кира застыла с открытым ртом.

– Что? – растерянно переспросила она.

– Музыкальный фестиваль КВН. Моя команда едет.

– Хочешь, чтобы я поехала в группе поддержки? С разрисованным лицом и пушистыми помпонами?

– Скворцова, поверь, ты – последняя, кого я хотел бы видеть в короткой юбочке. Нет, теоретически я готов, но для этого ты должна как следует проставиться.

Кира вздохнула.

– Только армянин может так заставить женщину раздеться, чтобы еще и развести ее на выпивку, – протянула она.

– Гениально! Мать, я забираю эту фразу.

– Конечно, сам-то ты придумать не можешь.

– Ты удивишься, но я не препираться звоню. Ты поедешь в Юрмалу?

– Тю! А твои модельные макароны зачем?

– Макаронины для удовольствия, ты – для дела.

– Это должно было звучать как комплимент?

Кира совершенно не чувствовала себя задетой. Легкое ироничное фехтование любезностями было их давней традицией с Эриком. Никому и в голову не приходило обижаться, хотя со стороны казалось, что они друг друга ненавидят. Напротив, насмешливый голос Саакяна отчего-то поднимал Кире настроение, пусть и вызывал желание немедленно поколотить его обладателя.

– На следующий день после КВНа будет небольшой стендап-фестиваль. Могу по знакомству тебя туда протащить.

– А в чем бонус?

– Там будет куча нужных людей. И из бывших кавээнщиков, и из продюсеров. Понятно, что это не официальный кастинг, но если хочешь, чтобы тебя заметили... Очень полезно. Или ты еще не определилась?

– А вдруг я пройду пятничный кастинг? Как я могу планировать? И с работы отпрашиваться...

– Ну да, я забыл, что кроме тебя некому говорить: «Вы пробовали включить и выключить компьютер?»

– Эрик!

– А что Эрик? Я участвую и там, и там. Пройду пятничный кастинг – отлично, Юрмала только добавит очков. И на твоём месте я бы не особо рассчитывал на пятницу.

– В смысле? – Кира напряглась. – Ты же сам меня туда записал!

– Ну да. Но это так, по-дружески. Для опыта скорее. Слушай, ты в стендапе не так давно, у тебя бывают удачные выступления, а есть откровенные фейлы. Про родню был махровый совок.

– Спасибо!

– Только не злись. Я ж любя.

– Хочешь выделиться на моем фоне?

– Была такая мысль, – он усмехнулся. – Да нет, просто ты упорно не желаешь расти. Застряла в своей трясине. И не надо мне рассказывать, что ты выступаешь просто для развлечения. Ты боишься сделать это чем-то серьезным. Но ведь хочешь, а?

– Почему ты знаешь... – она вздохнула и потерла переносицу.

– Ну вот тебе шанс: либо ты выступаешь активно: здесь, там... И начинаешь вкалывать. Либо просто раз-другой в неделю приходишь в клуб и там жалуешься на родственников. Смесь караоке с психоанализом.

– Я одного не пойму, Эрик. Какое тебе-то дело, как и чем я занимаюсь?

На другом конце воцарилось молчание. В какое-то мгновение Кире даже показалось, что связь прервалась, но потом Саакян заговорил снова:

– Короче. Ты. Поедешь. В Юрмалу?

– Я... Не знаю... Может... Поговорю с начальством...

– Дай знать. Надо за неделю подать документы на визу.

И он отключился. А Кира еще какое-то время смотрела то на телефон, то на исписанный острыми шуточками блокнот. Кто так неистово помогает своему конкуренту? Либо тот, кто не верит в противника, либо очень хороший друг. Так или иначе, очередной скомканный лист полетел в корзину. И о чем остается шутить? Семья, друзья и личная жизнь отпадают. Значит, работа. И Кира снова занесла над бумагой ручку, вызывая в памяти образ зловредного Локоткова.

К пятнице она все же накидала какие-то остроты. Но время от времени они ей казались настолько плоскими и убогими, что хотелось надеть на голову непрозрачный мешок, только бы никто не догадался о ее авторстве. Вдобавок накануне она щедро отлила платной клинике половину своей крови и столь же щедро отсыпала половину сбережений. Поэтому настроение было мрачным и экзистенциальным. Для комика – самое то.

– Ты правда в этом будешь выступать? – спросила Катя перед выходом, оценивающе оглядывая Киру и ее неизменные кеды с джинсами.

– Нутк, – кивнула та. – А что, грязные?

– Да нет, просто...

– Ты про дырку на коленях? Такой фасон. Вроде.

– А макияж?

– Тональник, тушь, – Кира на всякий случай придвинулась к зеркалу. – Я ж не на трассу. В смысле... – она заметила на лице племянницы блестящие тени и помаду. – Ну... Я

не тебя имела в виду... То есть... Мне это все не идет.

Но Катя уже выглядела задетой. Слишком поспешно от-
вернулась и выскочила на лестничную клетку. Всю дорогу до
клуба дулась и пялилась в окно. И Ольга, скептически по-
морщившись при виде нарядной студентки, только усугуби-
ла ситуацию.

– В сельской дискотеке выходной? – язвительно шепнула
Оля, стоило Кате отойти на пару шагов.

– Не цепляйся к ней, – осадила подругу Кира. – У каждого
свой вкус.

Не будь Екатерина родственницей, Кира и сама беспощад-
но прошла бы по загадочной полупрозрачной блузке цвета
«синий электрик» и сумочке со стразами. Но девчонка всю
неделю старательно впахивала по дому и учебе, и теперь Ки-
ра чувствовала себя виноватой. Давненько с ней такого не
случалось.

– Ладно, ищите места, я пойду отмечусь и получу номер, –
кивнула она Ольге и Катиной спине и поспешила в подсобку.

Там царила неразбериха, словно Кира очутилась не в мод-
ном клубе, а на кольцевой ветке метро в час пик. Помимо
того, что народу была прорва, каждый норовил куда-то неза-
медлительно протолкнуться. Да и открытый отбор в телеви-
зор привлек странных личностей с улицы: то ли любопыт-
ствующих, то ли просто шизиков.

Во всей этой толпе Кира с трудом разглядела глянцевою
от геля макушку Саакяна и, натываясь на чужие конечности,

двинулась к нему. Касаткин уже был рядом. Его борода поражала симметрией, очевидно, к кастингу он готовился тщательно.

– Ну, какие тут порядки? – Кира получила очередной толчок в спину и чуть не влетела в Касаткина.

– Подходишь к одной из тех девушек, – Андрей придержал ее за локоть и кивнул в сторону столиков у стены. – Они находят тебя в списке и дают номерок. Потом ждешь, когда тебя вызовут на сцену. Жюри там.

– А у тебя какой номер?

– Семьдесят второй.

– Что?... Эрик?

– А у меня тридцать пятый, я заранее приехал.

– Мне не захватил?

– Скажи спасибо, что я тебя вообще сюда записал, – Саакян лениво склонил голову набок. – Давай, шуруй в порядке общей очереди.

Кира безнадежно вздохнула. Ей рассчитывать было не на что. Ни густой гривы шелковых волос, ни соблазнительно надутых уколами красоты губок, ни прелестей, чтобы вывалить вместо всяких аргументов. Свой парень – вот кем она была. Горькая цена независимости. Бросила для верности несчастный взгляд на Касаткина, но тот лишь развел руками. Пришлось толкаться за странным долговязым юношей с сальными волосами мышинового цвета и толстенными очками.

За полчаса ожидания она успела убедиться: стендап соби-

рает побитых жизнью. Нигде, пожалуй, не найти столь разношерстного сброда. Кунсткамера, и она в их числе – один из главных экземпляров.

В конце концов, с чего бы осмеивать жизнь красивым и счастливым? Над чем им смеяться? Нет, те, кто тешит эго и ищет славы, скорее побежит петь, танцевать или играть бандита в мыльной опере отечественного пошиба. А выйти на сцену перед десятками людей и вытащить наружу свои комплексы, обиды и неудачи – это занятие для психа вроде нее. Неудивительно, что природа решила прекратить на ней дефектную эволюционную ветвь.

То и дело по комнате разносился монотонный голос:

– Номер девять, Латышев, пройдите к сцене. Пятнадцать секунд. Номер десять, Алиев. Пятнадцать секунд...

Эти равнодушные призывы, похожие на вокзальные объявления, контрастировали с всеобщей нервозностью. Кто-то щелкал пальцами, кто-то беззвучно шептал под нос, кто-то в сотый раз сверялся с жамканой бумажкой.

Чужие выступления были почти не слышны: голоса комиков через стены сливались в нечленораздельный бубнеж. Но вот реакция публики угадывалась на ура. Кира подсчитывала про себя: у этого всего два смеха и одни аплодисменты, у этого зал закатывался раз десять. И она вздрагивала от страха и разочарования: с каждым успешным выступающим ее шансы становились все туманнее.

Девяносто третий номер... А если кастинг закроют рань-

ше? Они же не будут там сидеть всю ночь? Это пробный проект, наверняка им выделили не такой уж большой бюджет. Да, народ говорит, что камеры в зале есть. Но это так, для нарезки. Может, покажут самые яркие моменты. Вопрос в другом: попадет ли в эти моменты выступление Киры? Может, содрать с себя рубашку для эпатажа? Не вариант. Она и в ванной-то избегала смотреть в зеркало, зачем подвергать такому испытанию ни в чем не повинную публику?

Зачем ей это? Кира беспомощно озиралась. Что она здесь делает? Великим комиком ей не стать. А быть местной знаменитостью, про которую пишут в газетах с телепрограммой и с которой расшаркиваются на корпоративах попсовые куклы, ей даже в страшном сне не снилось. Так зачем она здесь? Зачем вообще ей в телевизор? Она ж не фрекен Бок...

Взгляд снова зацепился за Эрика. Он уже стоял у прохода к сцене и по-кошачьи что-то нашептывал девице в наушниках. Та кивала и явно готова была расстараться ради этого видного самца. Давай Саакян, совмести приятное с полезным.

Он посмотрел в сторону Киры, нагло подмигнул, что-то сказал собеседнице, и ее сразу сдуло.

– Номер тридцать пять, Саакян, идите к сцене. Пятнадцать секунд, – донеслось из громкоговорителя, и Эрик резко выпрямился.

Стал серьезным, и Кире даже почудилось, что он волнуется. Но нет, снова широкая беззаботная улыбка. Тряхнул

плечами, поправил волосы и исчез. Из зала послышался его вкрадчивый баритон, и уже через минуту взрыв хохота. И как он это делает? Сто процентов пройдет, подлец.

К тому моменту, как очередь дошла до девяностых номеров, Кира не чувствовала ничего, кроме дикой усталости. Ушло волнение, Эрик и Касаткин куда-то свалили, наверное, отмечать удачное выступление и ждать результатов в месте получше. Комнатка опустела, даже девушки в наушниках беспрестанно зевали. В телефоне постоянно мелькали сообщения от Ольги и Катюши.

Кира бегло посмотрела на экран: свежий конвертик. Письмо. Проверила машинально, хотя по электронке кроме рекламных рассылок давно ничего не получала. Но теперь писали из клиники: результаты анализов. Длиннющие слова, цифры, выделенные красным. Ниже нормы... Дело плохо? Лечиться?... Что это значит? Таблетки?...

– Номер девяносто три, Скворцова, подойдите к выходу на сцену. Пятнадцать секунд.

Какой-то парень тронул Киру за плечо, она вздрогнула, пошла, споткнулась. Во рту пересохло так, что губы прилипли к зубам, а на голову будто намотали ватное одеяло.

– Что?...

– Идите, девушка, не задерживайте!

Она словно впервые попала на сцену. В глаза ударили софиты, будто кто-то швырнул в нее световую гранату. И Кира не сразу смогла разглядеть людей в зале. С трудом сквозь та-

ющие зеленые пятна она опознала Ольгу, Катю. И чуть ближе, неподалеку от жюри, Эрика. Моргнула, и на нее обрушились звуки. Аплодисменты, голоса, фонящий микрофон.

– Всем... – она прочистила горло. – Всем привет, меня зовут Кира, и я – программист.

Глава 4

Даже если бы к ее горлу кто-то приставил нож, она не вспомнила бы своего выступления. Язык автоматически ворочался во рту, с губ слетали какие-то слова. Кажется, кто-то смеялся. Но по большей части было тихо.

– Ты чего, мать? – уже потом, в подсобке, Саакян сжал ее плечо, и она ошалело уставилась в его обеспокоенное лицо. – Не поздновато для страха сцены?

– А?... Да нет... Не знаю. Голова болит.

– Присядь. Результаты потом скинут по почте. Тебя отвезти?

– Не, я за рулем. А где мои девочки?

– Тебе не стоило бы садиться в таком виде...

– А если эвакуируют?

– Нет, все-таки ты странная, – Эрик прищурился. – Колись, что стряслось?

– Все так плохо? – Она потерла виски и помотала головой, как упрямый козленок. – Нет, лучше не говори. Не хочу слышать, как ты злорадствуешь.

Она шагнула в сторону и неуклюже махнула рукой.

– Ты куда? – удивился Саакян и подался к ней.

– Говорю же: ждут меня. Все, увидимся.

И она ломанулась в зал, не разбирая, что он пытается высказать ей вслед.

Ольга и Катюша олицетворяли дружественную поддержку. Обе кинулись к Кире с ободряющими улыбками. Примерно с таким видом добрые бабушки реагируют на кашу из песка, приготовленную внуком. Мол, очень, конечно, вкусно, но есть это по-настоящему никто не будет.

– Отметим? – нарочито бодро предложила Оля.

– Все нормально, я в курсе, что облажалась.

– Да нууу... Очень неплохо. Ты молодец, – в поисках поддержки Ольга оглянулась на Катю.

– Точно-точно, – закивала та. – Были и гораздо хуже.

Чистое, неиспорченное дитя! Как хорошо, что хоть кто-то еще не научился врать.

– Поехали домой, я в норме, – и Кира первой направилась к выходу.

По большому счету, ей было наплевать, как она выступила. И пройдет ли дальше. Стендап, кастинг, телевидение... Все это показалось несущественным и утратило всякий смысл. Эти люди забудут ее через пять минут. Ее жизнь – и та ничтожна и никому не нужна. Что изменилось бы, исчезни она прямо сейчас? Ни-че-го. Стендаперов – вагон, программистов – еще больше. Может, она и правда в какой-то момент свернула не туда?

– Ты точно не хочешь, чтобы я с тобой посидела? – во-рвался в разбитое сознание голос Ольги.

– Нет.

На автомате Кира дорулила до дома, добралась до своей

комнаты и, опрокинув стакан отцовской наливки, рухнула спать. На субботу отключила телефон и ушла в себя, периодически пытаясь выяснить в Интернете, чем чреваты ее проблемы.

План дальнейших действий возник в ее голове воскресным утром, стоило ей подняться с кровати. Нашла в телефоне адрес клиники, записалась к Уме Тагировне на понедельник и попросила бланк заявления на донора.

Она все решила. Если есть хоть один шанс стать матерью, Кира им воспользуется. Разумеется, никому ничего не скажет. Для своих это будет случайный роман. Звучит всяко лучше и естественнее, чем покупать у племенного осеменителя биоматериал. Присутствие Кати немного осложнит дело, но и с этим можно справиться. Пару раз привести домой кого-то из друзей. Касаткина, Саакяна или Стаса с Лешей. Хороший, кстати, будет для девочки пример: только предохраняться и только по любви. И ни у кого не возникнет вопросов, почему папаша исчезнет: от этих бородатых хипстеров ничего другого и не ждут.

Только бы все получилось! А это еще не факт. Кира знала: есть люди, которые не могут забеременеть годами. Разница только в том, что у кого-то есть под боком муж, а ей за каждую попытку придется платить. Надолго ли хватит денег? И если все спустить сейчас, то как потом растить ребенка? От Локоткова не дождешься хороших декретных.

А если сходить в клуб со Стасом и Лешей? Ведь раз они

там снимают девиц, значит, и кроме них найдутся охотники. Она не такая уж и страшная. Можно купить какое-нибудь дебильное платье с кружевами, или что еще мужикам нравится. Но тут свои риски: болезни, генетика... И не такие уж они дураки, чтобы не предохраняться. Алиментов сегодня боятся больше сифилиса.

Кира зашла в ванную и заперла за собой дверь. Из зеркала на нее смотрела одинокая женщина за тридцать. Во всей красе: утренние мешки под глазами, два седых волоса у виска, одутловатая рожа. Ребенка она заводить собралась! Про декретные думает. А поезд уехал. Все. Она уже не то что старородящая. Она вообще не родящая. Мужчины поставили на ней крест. Вон Касаткин: этот не встречается с барышней, если ей больше двадцати. И одевается так, как будто только в институт поступил. И никто не скажет, что он старпер! А она – все. Лежалый товар.

Она задрала футболку. Втянула живот. Спасибо, хоть не толстая. Можно бы подкачаться, конечно... А, ну его. Обойдутся. Одно радует: если она все же родит, ребенок будет любить ее, несмотря ни на что. Ему все равно, что у нее с фигурой, плоская ли задница и достаточно ли увлажнена кожа.

Сколько Кира знала Ольгу, та всегда чем-то мазалась. Маски, скрабы, муссы, лосьоны. У нее дома за всеми этими тюбиками и зубную пасту не найти. А у Киры только крем для рук: после того, как летом пришлось самой поменять у машины патрубок радиатора, пальцы долго на ощупь напо-

минали наждачку. Хорошо бы сын: ему никогда не придется чувствовать себя вторым сортом...

Преисполнившись решимостью, в понедельник Кира отправилась на работу пораньше и удачно проскользнула мимо бухгалтерии незамеченной: ей не хотелось снова мусолить с Ольгой свои медицинские проблемы.

Однако в обеденный перерыв разговора избежать не удалось. Оля возникла в дверях каморки и всем своим видом дала понять: отступать некуда.

– Что с тобой происходит? – с ходу выпалила она. – Только не врать!

– Ты о чем?

– Я знаю, ты можешь лучше! И шутки были хорошие. Но ты подавала их, как первоклассник стихи про родину. Бубнила без выражения себе под нос. И глаза вытаращила. Да-да, именно так.

– Слушай, я не в настроении...

– Именно поэтому я здесь. Это из-за врача? Что-то новое выяснилось?

– Пришли результаты анализов. Все печально.

– А Тагировна что говорит?

– Только сегодня пойду.

– Я с тобой.

– Может, ты мне еще в кресле ноги поддержишь?

– Не-не, не старайся, – Ольга закинула сэндвич в жерло микроволновки и решительно хлопнула дверцей. – Все рав-

но я с тобой.

– Ну тебя... – Кира поморщилась.

– А я вот подумала. Надо тебя с кем-то познакомить. Или давай анкету на сайте знакомств.

– Я похожа на приманку для извращенцев?

– Ты похожа на парня, которого забыли подстричь. Ты вообще лифчик носишь?

– А что, трясется? – Кира покачалась из стороны в сторону. – Да нет вроде... Ношу, конечно. Спортивный.

– Вооот, – назидательно протянула Ольга, вытащила свой обед и торопливо подула на пальцы. – А надо не спортивный. Я все выходные думала: ты там в своем стендапе, как медведь на пасеке. Мужиков – тьма. Все холостые. А ты не при делах.

– Тебе не приходило в голову, что они не просто так холостые?

– Ну и ты у нас не Кира Найтли. Надо ж себя подавать!

– Я слишком стара для этого дерьма.

– У, как все запущено! – Ольга покачала головой. – Давай сразу фиолетовые волосы, пальто с лисьим воротником и мундштук.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – хохотнула Кира.

– Нет, придется брать тебя за жабры. Можешь мне сколько угодно вешать лапшу про самостоятельность и мужененавистничество, а я вижу, как тебя прошибло после похода к Тагировне. И пока твоя Катюша не научила тебя варить борщи и носить тапки, я сделаю из тебя настоящую женщину.

– Ты меня пугаешь, – Кира притворно округлила глаза. – Обещай, что будешь нежной...

Ольга рассмеялась.

– С тобой невозможно серьезно разговаривать! – посетовала она. – Давай доедай. У нас еще пятнадцать минут.

– На что?!

– Узнаешь, – Оля проглотила последний кусочек и вытерла рот.

Потом порылась в сумочке, вынула железную баночку, похожую на бальзам «Звездочка».

– Это вазелин?! – насторожилась Кира.

– Блеск для губ. Вот серость! Пошли.

– Куда?

– В туалет.

– Слушай, я очень хорошо к тебе отношусь, но я не готова к таким экспериментам...

– Скворцова, шагай.

С генеральским видом Ольга указала глазами на выход, и Кире пришлось подчиниться.

– Зачем нам в туалет? – жалобно осведомилась она по дороге.

– Там самые приличные стены. Красивая плитка. Будем тебя фотографировать. Так, – Липкина пропустила подругу вперед, а потом захлопнула дверь и загородила ее собой. – Ты в майке?

– Ну под рубашкой есть... А зачем?...

– Снимай рубашку.

– Но?...

– Снимай, я сказала!

Кире оставалось только радоваться, что Ольга не вооружилась хлыстиком и черной маской. Она послушно стянула рубашку и зябко поежилась.

– Ну? Что теперь?

– Тааак... – Ольга склонила голову набок и окинула жертву взглядом Пигмалиона. – Хвост распускай. Тряхни волосами. На, блеском губы намажь. Сильнее! И выпрямись. Грудь вперед. Да спину прогни! И чуть боком. Нет, вот так... Живот втяни. А попу наоборот... Ты женщина или каракатица?! Изящнее, Кира! И лицо сделай нежнее. Добрее. Улыбнись, но не слишком. Как Мона Лиза. Чууууть... Вот так.

Оля щелкала смартфоном и сыпала командами, от которых у Киры резко заболело все тело. Ее поясница не была приспособлена к изгибам, а лицо – к добродушию. Внезапно мысль о доноре перестала ее страшить.

– Отлично, – подытожила Ольга после самых долгих минут в жизни Киры. – Остальное я сделаю за тебя.

– Покажи хоть фотки! – взмолилась Скворцова, кутаясь в родную и безопасную рубашку.

Истязательница взглянула на нее, что-то просчитывая в уме. И наконец изрекла.

– Не, тебе не понравится.

– Потому что я там похожа на дуру?

– Главное – спокойствие, – подняла руку Ольга и исчезла в коридоре.

Без четверти шесть она уже ждала Киру у пропускной. Вид у Липкиной был загадочный, но страшно довольный. И по пути в клинику выяснилось почему.

– Я написала, что ты не ищешь серьезных отношений, – сообщила Ольга, и только необходимость держать руль и следить за дорогой избавила ее от возмездия Киры. – Нет-нет! Сначала выслушай. Так будет больше кандидатов. Мужчины сами не знают, чего им нужно.

– Кажется, ты забыла, зачем это нужно мне! – сквозь зубы процедила Кира.

– Скворцова, доверься мастеру. Слушай и запоминай. Есть такое волшебное заклинание: «без обязательств». Оно действует на мужчин, как манок на утку. Сказала, щелкнула пальцами – и выбирай любого.

– А если завтра я никого из них не увижу?

– Ну, во-первых, тебе на них не смотреть надо. А во-вторых, им ведь надо только распробовать. Понять, какая ты дико классная.

– Скорее, классно дикая...

– Неважно. Они ведь всегда действуют от противного. Хочешь заставить его съесть конфетку, скажи, что ему ни за что нельзя такую. Вот всем можно, а ему – нет. То же самое с отношениями. Если он думает, будто тебе позарез надо затащить его в ЗАГС, будет изображать мустанга в прериях.

Но как только поймет, что он, в сущности, тебе не сдался, так, поразвлечься, тут же начнет доказывать, что он весь из себя достойный мужчина.

– Сомнительная логика, – Кира свернула к медицинскому центру. – Больше похоже на женскую...

– Окей! – Ольга взмахнула руками, показывая, что сдается. – Можешь все решать сама. Сколько, говоришь, у них стоит искусственная инсеминация?

Скворцова стиснула зубы.

– Меня еще не собираются оплодотворять! – буркнула она. – Неизвестно, способна ли я вообще на это...

– Я же говорю: решай сама, – нарочито равнодушно заявила Ольга. – Какое мне дело, в конце концов? Твоя жизнь. Что я в этом понимаю? Всего-то три года живу с парнем...

– Я с детства с братом жила в одной комнате! И поверь, удовольствие, которое прилагается к мужикам в виде уборки и круглосуточного кормления, ничем не отличается от ухода за грудным ребенком! Но ребенок хотя бы умильно выглядит и вкусно пахнет!

– Это единичный случай. Как ты сама установишь правила, так и будет... Но я молчу! Ты у нас главная.

Ольга задрала подбородок и гордо вышагивала, поджав губы, всем своим видом демонстрируя оскорбленную невинность. У хромированных раздвижных дверей Кира сломалась.

– Ладно! – выдохнула она, жалея о том, что произнесет в

следующую секунду: – Что ты там в итоге сделала с сайтом знакомств?

– Другое дело! – Липкина заметно оживилась. – Дуй к Тагировне, а потом обсудим.

Кира еще раз взглянула на подругу. Яркая, живая, рыжая и бесшабашная. И до чертиков уверенная в своей правоте. Может, немного огонька Кире не хватало всю жизнь? Может, и правда стоит прислушаться? Предварительно отсеивая идиотские бабские штучки? А то кто знает, чем все это закончится! Того и гляди отрастит когти, напялит каблуки и не сможет больше жить как человек.

– Проходите! – услужливо засуетилась девушка с ресепшен.

Свежи, видимо, были в ее памяти недавние вопли Ольги, поэтому на сей раз она постаралась не провиниться.

– Да-да, мне пришли ваши результаты, – замогильным голосом объявила Ума Тагировна и выжидательно посмотрела на пациентку.

– И? – Кира осторожно присела, не зная, надо ли прыгать в кресло или обойдется нравоучением.

– Ну, что я могу сказать... Все запущено.

Ума Тагировна сделала внушительную паузу, после которой нечто вроде «и пусть мир тебе будет пухом» звучало бы вполне уместно. Но не успела Кира открыть рот для нового вопроса, как врач продолжила:

– Гарантий никаких. Вы должны это понимать. Но меди-

цина шагнула далеко вперед, и вам очень повезло попасть именно в наш центр. В какой-нибудь женской консультации это был бы безнадежный случай... Однако я постараюсь. Вы должны следовать схеме лечения. Это понятно?

– Да.

– Я напечатаю, как и что принимать, – Ума Тагировна развернулась к монитору. – Сообщите, как цикл начнется, на пятый день запишитесь на УЗИ, начнем принимать вот эти таблеточки... Возможна сухость во рту, легкое головокружение, вздутие живота...

– Кома... – не сдержавшись, шепнула Кира.

– Что простите?! – Густые брови поползли вверх, губа с усиками задрожала.

– Нет, это я так... Так что вы говорили?

– Дальше на десятый день придете снова, и мы решим, есть ли ответ и надо ли стимулировать овуляцию. Ориентировочно при хорошем раскладе на четырнадцатый день – укол, и в течение суток половой акт. А пока я рекомендую вам и вашему партнеру сдать анализы на инфекции и анти-тела к краснухе и ветряной оспе. Для беременных это очень опасные заболевания.

– Это да... – замялась Кира. – А что делать... Ну, если нет... партнера?

– Как?! – Ума Тагировна всплеснула руками. – Почему же вы сразу не предупредили?! Это все меняет. Тогда ни в коем случае нельзя проводить стимуляцию просто так, впустую...

Тогда мы лишимся последнего запаса ооцитов!

– Дело в том... Ну, вы же сказали, что времени нет. Я и подумала, может, воспользоваться донорским материалом? Я имею в виду... Ну а вдруг я выйду замуж через полгода или год? И тогда уже будет поздно? Или все же время есть?

Ума Тагировна долго смотрела на Киру и странно шевелила губами, будто что-то жевала или говорила с закрытым ртом.

– Я не могу вам советовать, – сообщила она наконец. – Но я бы на вашем месте не стала упускать возможность.

– Тогда распечатайте, что там у вас с донорским материалом.

– Банк не в нашей клинике, но мы уже давно с ними работаем. Так что цены будут такими же, как если бы вы обратились к ним напрямую. Это проверенная международная компания... Здесь расценки. Разумеется, всех доноров проверяют очень тщательно. Если хотите, можете искать материалы в другом месте, но тогда мы снимаем с себя ответственность за последствия.

– Хорошо. Я подумаю... А насколько заранее нужно все это решать? – Кира закусила губу: цены не вдохновляли. – Ну, может, я договорюсь с кем-то... Или встречу...

– Дело ваше, конечно, – дернула покатыми плечами Ума Тагировна. – Если вы уверены, что у того, с кем вы... *договоритесь*, не будет наследственных заболеваний, проблем с запрещенными препаратами и достаточно подвижный мате-

риал... Что ж, заставить вас никто не может.

На крупном лице врача появилось брезгливо-осуждающее выражение, будто Кира собралась искать будущего отца в доме терпимости. Но Скворцовой было не привыкать: ровно с таким же выражением на нее всю жизнь смотрела собственная мать и добрая половина родни. Поэтому она встала и вышла, сжимая убийственные распечатки.

– Ну? – Ольга взволнованно поднялась, как только Кира появилась в холле.

– Давай выкладывай, что там с сайтом знакомств.

Глава 5

Они заехали в магазин за винишком, пока положение Кире не обязало ее к трезвому образу жизни, и завалились в благодатную тишину квартиры. Катюша, к счастью, отсутствовала, и они устроились на кухне с планшетом и двумя бокалами, больше напоминающими миниатюрный аквариум. Линукс лениво возлег на подоконнике на случай, если кому-то взбредет в голову разделать рыбу без его участия. Однако съедобной для кошек закуски не было, поэтому он с привычным презрением наблюдал за двумя увядающими алкоголичками. По крайней мере, что-то подобное явственно читалось в прищуренных лимонных глазах.

– Смотри-ка, и дня не прошло, а у тебя уже двенадцать сообщений! – Ольга пригубила густой абхазский напиток.

– Маньяки не дремлют.

– Женщина, ты абсолютно ничего не понимаешь. Всего-то и надо было правильно себя подать.

Кира провела по лицу ладонью. Если и правда мужчин привлекают вот такие выпендренные курицы, коей она получилась на снимке, шансов зачать нормальным путем у нее не было никогда. Но время для маневра вышло.

– Итак, смотрим по порядку. Ну-ка, ручки прочь! – Ольга сурово подвинула планшет к себе. – Ты сегодня будешь только смотреть.

– Когда ты так говоришь, у меня ощущение, что ты ведешь тайную жизнь в духе пятидесяти оттенков.

– Как знать, – Липкина хулигански изогнула бровь и вернулась к созерцанию чужих фотографий. – Номер первый, как водится, турок или араб. Удаляем.

– А это не расизм? – поморщилась Кира. – Он не обидится?

– Это здравый смысл. Даже если тебе нравится восточный колорит, нам некогда танцевать вокруг международных отношений. Ищем ближе. Вот, уже лучше. Игорь, тридцать девять. В шляпе, значит, лысеет. Одевается ничего так, вкус есть. И пиджачок вон... Ну, очки. Плохое зрение, конечно, может и передаться по наследству, но кто идеален?

Кира склонила голову над изображением. Не без обаяния товарищ, хоть и с небольшим брюшком. Кажется безобидным. И все же как только она попыталась представить его в процессе, предшествующим зачатию, у нее спина покрылась мурашками.

– Нет, это бред, – ее передернуло, и она как следует отхлебнула красного. – Я так не могу. Плохая затея...

– Спокуха! Просто не наш вариант. Смотрим дальше. Павел, тридцать два. А у этого волосы густые.

– Рост сто шестьдесят...

– Ну знаешь! Тебе не угодить. Низкие мужчины очень любвеобильные. Вот: «Увлекаюсь спортом, хожу в качалку, путешествую...» А? Нормальный. Ответим?

Кира скептически пожала плечами. Похоже, вожжи давно были в сильных Ольгиных руках.

– Ой, он уже пишет! Глянь-ка, печатает! – воодушевленно воскликнула Липкина. – Видишь, какой... А, черт! Удаляем.

– Что там?! – Кира потянулась к планшету. – «Пришли фотку своих ступней...» Ясно. А я тебе говорила: сплошь маньяки.

– Маньяки, Скворцова, в подворотнях. А это небольшое увлечение...

– Вот свои пятки ему и высылай!

– Тихо ты. Я же говорю: удаляем. Дальше: Илья, тридцать пять.

– О, имя мое любимое. И одноклассник у меня был Илья – хороший парень, – кивнула Кира, настраивая на позитив скорее себя, чем подругу: у той энтузиазма и без того хватало. – Что пишет?

– Хозяйство свое прислал, – Ольга вздохнула.

– Из деревни, что ли?

– Сама ты, Скворцова, из деревни! – Липкина развернула планшет. – Ну, детей ему, конечно, делать есть чем, но я бы связываться не стала.

– Фу! – поперхнулась Кира. – Убери сейчас же. Господи, я не выпью столько, чтобы это развидеть...

– Развидеть, тоже мне! Тебе тридцать два, мать! Чего ты в этой жизни еще не видела?

– Слушай, если я что-то уже видела, это еще не значит,

что хочу смотреть на это за столом... Блин, здесь же кухня моя! Я тут ем!

– Не вопрос, поехали дальше.

К девятой анкете Кире взгрустнулось. И не столько оттого, что было жалко денег на донора, сколько от гнетущего чувства безысходности. Она вдруг отчетливо поняла: если мир населяют такие мужчины, ей остается только умереть в одиночестве.

Даже Липкина, вечный двигатель, порядком сдулась, а запал ее поугас.

– Антон, сорок лет, – вяло прочитала она и заглянула в пустой бокал. – Плесни еще. Менеджер, рост сто восемьдесят. Женат не был, детей нет. Смотри-ка, фотки из Европы, Америки... Путешествует. Значит, деньги есть... Не курит... По лицу не скажешь, что пьет... Ну, не больше нас с тобой, это уж точно. И симпатичный какой! Гляди-ка, ищет серьезных отношений! И кошек любит! Это судьба!

– Слышишь, Линкус? – скептически отозвалась Кира. – Нашли тебе нового папу.

Кот остроту проигнорировал.

Мужчина и правда казался приличным. Без самолюбования и нарциссизма, опрятно одет. Никакого налета хипстерства. Писал без ошибок и причиндалами не хвастался, что само по себе радовало.

Около получаса Кира общалась с ним под присмотром Ольги и в конце концов договорилась о встрече. Антон всю

неделю работал, поэтому свидание назначили на пятницу. Липкина чувствовала себя победительницей.

– Вот увидишь, это то, что надо! Может, у вас даже что-нибудь сложится... Только не вздумай рассказывать ему про ребенка – напугаешь. Будешь действовать по ситуации. Но я уверена – у вас может что-то выйти! Главное, будь чуть понежнее и соблазнительнее.

– Всего-то! – съязвила Кира.

Она не умела флиртовать, и Ольга это отлично знала.

– Брось, ничего сложного. Ты просто никогда не пыталась. Привыкла вести себя как парень. Мы это исправим.

– Только не говори, что надо идти в магазин!

– А как еще?

– Я так и вижу шопинг из американской комедии. Когда герои носят за шмотками: один сидит на кресле, а другой в разных нарядах выглядывает из примерочной. Все смеются, умильная музыка. Потом бах! Идеальное платье и тонны умиления. Со мной этот фокус не пройдет.

– Не вопрос, – сдалась Ольга без особого сопротивления.

– Как это?

– Скинешь мне вечером свои замеры и бюджет. Я все равно собиралась с Максом в торговый центр, поищу что-нибудь по распродажам.

– Так просто? – Кира пристально уставилась на Липкину в ожидании подвоха.

– Только одно условие: если тебе что-то не понравится,

возвращать поедешь сама.

– А ты обещаешь не покупать ничего кружевного, блестящего и в сеточку?

– За кого ты меня держишь?! – возмутилась Ольга, стукнув пустым бокалом по столу. – Ты хоть раз видела меня в таком наряде?

Кира промолчала. Что угодно, лишь бы не испытание магазинами. Вешалки и витрины, внушающие чувство беспомощности, примерочные с чересчур ярким светом и зеркалами, в которых кажешься себе бледной и обрюзгшей. Нет, если Липкина готова взять это на себя, то флаг ей и медаль за стойкость.

На неделе Кира почти забыла и про грядущее свидание, и про покупки. Телевизионщики написали ей, что кастинг она провалила. Другим текстом, конечно, но суть витиеватых благодарностей за участие сводилась именно к этому.

От таблеток она чувствовала себя неважно. Болела голова, ныл живот, во рту поселился привкус дверной ручки. Одно радовало: женская составляющая организма со скрипом вернулась в строй. Только это не давало Кире окончательно погрузиться в пучину разочарования в себе.

В среду позвонил Касаткин.

– Будешь в пятницу в клубе? Я занят в этом новом проекте, можешь занять мое время, – его голос звучал до отвращения бодро.

– Поздравляю, – мрачно отозвалась она.

– С чем?

– Что прошел кастинг.

– А это... Да ты не расстраивайся. Не в последний раз. Тебя, кстати, отметили. Просто ты не в форме была. Так что, будешь в пятницу? Только тебе по дружбе предлагаю. Самый топовый день.

– Не, не могу.

– Да брось, один провал – еще не повод ставить на себе крест!

– Андрей, я правда не могу. У меня свидание.

– Сви... Что? – Он как будто ослышался.

– Свидание. Да, Андрей, у меня тоже есть личная жизнь.

Про мужчин говорят, конечно, что они не сплетники, но Кира убедилась в обратном. Не прошло дня с ее разговора с Касаткиным, как посыпались загадочные сообщения от Саакяна:

Ты решила, что с Латвией? Мне надо подавать на визу. КВН – 18-го, стендап-фестиваль – 20 сентября.

Ты как минимум должна приехать 16-го! Погуляешь, отдохнешь и соберешься с силами.

Не переживай, тут всех берут. Полно начинающих, на их фоне даже ты прокатишь.

Или тебе твой таинственный бойфренд не разрешает?

Если он, конечно, не плод твоего воображения.

Это было чересчур. Кира была не из тех, кто ведется на «слабо», но она была обязана поставить Саакяна на место.

Плод воображения, скажите пожалуйста! Как будто у нее не может быть парня!

И вцепившись в телефон, как в пневматическую винтовку, Кира написала трем людям. Во-первых, выслала копию загранпаспорта Эрику, чтобы его знакомые из Латвии сделали ей приглашение. Во-вторых, попросила Антона перенести свидание в клуб стендапа. И третий, коронный выстрел она отправила Ольге: «Удиви меня».

Липкина с задачей справилась. И если бы Кира не знала, что в коридоре висит большое зеркало, то решила бы, что к ней в квартиру через портал хочет проникнуть незнакомка. Да-да, именно незнакомкой она показалась себе в пятницу вечером, когда примерила обновки, заботливо купленные Ольгой.

Вроде бы ничего экстремального. Те же джинсы, но не прямые и бесформенные, а темные, узкие, с потертостями, от которых филейные части выглядели аппетитными. Высокая посадка: Кира думала, таких не носят уже лет тридцать, но получилось не старомодно, а очень даже игриво. И живот как будто плоский, и талия как будто есть.

Блузка-рубашка, но уже не из клетчатой фланели, а легкая, гладкая, как занавески в маминой спальне. На крошечных пуговичках, на отсвет полупрозрачная. И цвета линиялого, но симпатичного. Последнюю фразу Кира задумчиво произнесла вслух.

– Сама ты линиялая! – фыркнула Ольга. – Это «пыльная

роза». Тренд.

– А где вы все это покупали? – показалось в дверях любопытное личико Катюши. – Дорого, наверное?

– Места знать надо. Только распродажи, только огромные скидки, – снисходительно сообщила Липкина, не отвлекаясь от созерцания своих трудов. – Если хочешь, покажу.

Восторг Кати вселил в Киру немного уверенности. Не слишком радикальное перевоплощение, обошлось без пошлостей, но она уже самой себе напоминала женщину.

– Ты пойдешь? – обернулась она к Ольге.

– Ну уж нет. Давай сама, как большая, – мотнула головой та. – Но если что – набери меня и сбрось, я обеспечу тебе эвакуацию.

– А куда ты идешь? – снова робко вмешалась Катюша. – Выступить?

– Нет, на сцену я сегодня не выйду, – Кира провела по волосам расческой. – Но собираюсь в клуб.

– Как?! – ахнула Липкина. – Разве ты не в ресторан собиралась?

– Пришлось перенести.

– Вечно ты все испортишь! – Ольга хлопнула себя по лбу. – Зачем вам с Антоном эти стендаперы?

– Стендаперы? – оживилась Катя. – И Эрик там будет?

В коридоре стало тихо.

– Зачем тебе Эрик? – Кира первой справилась с удивлением.

Лицо ее племянницы было красноречивым ответом.

– Этого следовало ожидать... – обреченно протянула Ольга. – Упустила дитя! Саакян уже и до нее добрался!

– Ничего он до меня не добрался! У меня вообще парень есть, – Катя раскраснелась. – Просто общались... Спросила – и спросила! – И она исчезла в своей комнате, хлопнув дверью.

– Молодец! – Ольга вздохнула и с осуждением взглянула на Киру. – Нечего было таскать ребенка по злачным местам! Саакян, подумать только! И как ты собираешься рассказывать родственникам, что испортила им девчонку?

– Никто еще ничего не испортил, – не очень уверенно произнесла Кира. – Скорее всего.

– В случае с этим жеребцом – вопрос времени.

– Да ну тебя! Не каркай! – отмахнулась Кира, но все же с опаской покосилась на то место, где минуту назад стояла Катюша.

Скворцова не любила признавать чужую правоту, но с Эриком Ольга попала в десяточку. Как и, собственно, с Антоном. Едва увидев его за столиком, Кира моментально осознала две вещи. Антон действительно очень приличный мужчина, и стендап-клуб – самое идиотское место для свидания, которое только можно себе представить.

В полосатой рубашке с запонками, с уставной стрижкой, чуть тронутой сединой, Антон походил на взрослого, случайно забредшего в песочницу. По сравнению с ним, воплоще-

нием элегантности и адептом итальянских кожаных ботинок, студенты и прочие недоросли в кедах выглядели сущей школотой. Он заказал себе кофе и пил его с выражением легкой безгливости на лице: не тот сорт, вероятно.

– Привет, я не опоздала? – Кира улыбнулась дружелюбно и чуть заискивающе по совету Ольги.

Вроде мужчины любят такое обращение.

– Привет. – Он галантно встал и выудил откуда-то небольшой букетик голубых гортензий. – Ты вовремя, это я люблю приходить заранее.

Цветы в этом месте смотрелись еще чудесатее. Кира смутилась от непривычки, но приняла букет. При всем своем равнодушии к цветам, она не могла не оценить необычный оттенок и тонкий вкус, с которым был оформлен презент.

– Значит, занимаешься стендапом? – спросил Антон, пока она открывала меню.

Кира была в этом заведении десятки раз, но никогда прежде тут не ела. И снова пожалела, что позвала кавалера именно сюда: список блюд не пробуждал аппетит.

– Я... Ну так, время от времени... А откуда ты знаешь?

– На сайте клуба есть твои фотографии. Полистал, пока ждал, – он развернул салфетницу строго параллельно краю стола. – Не могу сказать, что одобряю, но ты, видимо, собираешься меня поразить сегодня?

– В смысле? – Она уставилась, пытаясь понять: это наглость или ей послышалось?

– Ну, кормят здесь неважно, ты ведь не будешь спорить. Значит, ты пригласила меня по другой причине. Будешь выступать?

– Вообще-то нет... Не сегодня.

– Тогда я заинтригован. Экскурсия по местам бывлой славы?

– Просто так вышло, – она захлопнула меню, стараясь скрыть раздражение. – Стендап – это скорее увлечение, чем профессия.

– Ну, увлекаться можешь на здоровье, – улыбнулся Антон. – А работаешь ты кем?

Кира тихонько втянула воздух. Разрешение он будет ей давать!.. Спокойнее, спокойнее. Цены на доноров, ребенок... Наследственность у него неплохая: красивый прямой нос, длинные пальцы. Пропорциональное лицо. Плечи широкие. Можно ведь один-другой вечер потерпеть ради высшей цели? По сравнению с родами – сущие пустяки.

Следующий час Кира была любезна и скромна, так ей казалось. Перевела разговор на собеседника и с вежливой улыбкой слушала про тяготы жизни менеджера по развитию в условиях кризиса. Было нудно, но она повторяла про себя причины, по которым пришла сюда. И даже позволила Антона взять себя за руку.

Он поглаживал ее ладонь большим пальцем, и Кире чудился в этом какой-то интимный намек. Разве не для этого она искала мужчину? И отчего в ней так стремительно росло

чувство омерзения?

Начались выступления, и чтобы перекрыть голоса комиков, Антону приходилось наклоняться почти к самому ее уху. Он пользовался этим на все сто: бормотал какие-то затертые комплименты, а она силилась в ответ выдавить из себя благодарную улыбку. Но вскоре на сцене появился Стас со своими шуточками ниже пояса, и Антон отвлекся.

– Неужели тебе правда это нравится? – Он иронично вскинул бровь. – Все эти пошлости? Серьезно?

– Ну, не все выступления одинаково удачны... – уклончиво ответила Кира. – У всех свое чувство юмора...

– Никогда не понимал юмористов. И к клоунам с детства относился с неприязнью.

– Клоуны – это другое.

– Ой ли? Тоже смешат публику. Просто одеваются иначе и больше двигаются. А уровень шуток тот же. Все-таки комедия – низкое искусство. Но раз тебе так нравится...

Последний шанс. Еще неделя. Потом несколько дней в Юрмале, возвращение как раз к уколу. Заветное мероприятие – и больше она его никогда не увидит. Совсем чуть-чуть потерпеть.

– Теперь я понимаю, почему ты обратилась к сайту знакомств, – вещал Антон, глядя на сцену. – Если круг твоего общения состоит из *них*, то у тебя просто не было выхода.

– А ты? – не сдержалась она и тут же продолжила чуть мягче: – А почему ты решил зарегистрироваться на сайте

знакомств?

– По правде говоря, это была идея моей мамы, – Антон потер пальцем чашку, отковыривая с нее невидимую грязь. – Она из другого поколения. Считает, что мне пора остепениться. Я пытался объяснить, что ее взгляды устарели, ты же понимаешь? В Америке в сорок только задумываются о создании семьи...

Удивительно: он почти слово в слово воспроизводил ее монолог. Неужели со стороны она казалась такой же жалкой? Пазл сложился: сорок лет, приличный, не был женат... Мама – вот тот самый недостающий элемент. Вся напускная важность Антона тут же лопнула в глазах Киры, как радужный пузырь. И этот миг разочарования никак не мог обойтись без присутствия Эрика. Он материализовался из воздуха, фамильярно хлопнул по плечу потенциального донора Киры.

– Отдыхаете? – Борода подобно театральному занавесу раздвинулась, обнажая нахальную улыбку.

– А вы, простите, кто? – Антон явно сдерживался, чтобы не продезинфицировать то место, которого только что коснулся Саакян.

– Я так, – с ложной скромностью отмахнулся тот. – Мимокрокодил.

– Я понял, – кивнул Антон. – Еще один комик.

– Боже! – Эрик ахнул. – Какая дедукция, Кира! Может, у него еще при себе белый ишак?

– Сгинь и не мозоль глаза, – процедила она.

– Да ну брось. В кои-то веки привела кавалера и думала, что мы не захотим с ним познакомиться? Я ж тебя с пеленок, можно сказать... Из рук в руки передаю. Так какие, вы говорите, у вас намерения насчет нашей девочки? – Эрик подпер подбородок руками. – Имейте в виду, свадебное платье ей пойдет скорее слоновой кости. И главное, чтобы под него влезли джинсы.

– Кира, может, пойдем? – Антон брезгливо поморщился.

– Ну что вы, что вы! Я уже ухожу. Не буду мешать голубкам, – и Эрик, одарив ее победным взглядом, ретировался в закулисье.

Вид у него был такой, словно он вот-вот испустит клич вождя краснокожих. Тридцать шесть лет мужику!

Кире ничего не оставалось, кроме как приготовиться к очередной отповеди про стендаперов и повторять про себя заклинание: неделя, таблетки, Юрмала, укол. А после этого то, что не хотелось облекать в слова ни вслух, ни про себя.

Глава 6

У Эрика Саакяна было одно удивительное качество. В любой ситуации он выглядел так, словно предвидел ее еще неделю назад. Ничто не могло сбить его с конька невыносимой самоуверенности. И, пожалуй, ни разу Кира не заставляла его растерянным.

Вот и теперь он стоял на автовокзале Риги, прислонившись к капоту чистенького серебристого седана, и лениво раскручивал связку ключей на указательном пальце. Он будто знал вокруг каждый закоулок, каждый дом и каждую трещинку на асфальте. И не просто знал, а еще и приобрел на досуге.

– Давай чемодан! – он снисходительно распахнул багажник.

Ни приветствия, ни волшебных слов вежливости. Обязательно надо выпячивать свою самость.

– Обойдусь, – стиснула зубы Кира.

Нет, она не относилась к ярким феминисткам, готовым сжечь лифчик во имя независимости. Будь то любой другой человек на Земле, – таксист, тракторист, дальнобойщик, – она благодарно вручила бы ему багаж. Но Эрику Саакяну? Да она лучше удавится, но ни в чем ему не уступит!

– Я никуда не тороплюсь, – он скрестил руки на груди и насмешливо наблюдал, как она возится с заевшей ручкой че-

модана.

Как назло, именно сегодня мерзкая пластмасска ни за что не хотела складываться.

– Я сама! – Она упрямо взглянула на него исподлобья.

– Естественно. Куда ж без твоих показательных выступлений, – в аккуратной бороде Эрика мелькнула улыбка.

– Зараза... – процедила Кира и с усилием перевалила чемодан в машину. – И если ты собрался ржать, я лучше поймаю такси!

– Ни за что не лишу себя удовольствия слушать твои истерики еще час.

Он хотел было распахнуть перед ней пассажирскую дверцу, но, наткнувшись на яростный взгляд, отступил.

– Мать, ты бы это... Таблетки купила, что ли... – посоветовал он, пристегиваясь.

– Уже, – мрачно отозвалась она.

– Стероиды?

– Почти.

Кира и сама себе в последние дни казалась дерганой, как школьная математичка. Которая верещала на всех по поводу и без повода. Может, и правда гормоны так действуют? Надо брать себя в руки, пока не научилась закручивать волосы в пучок и размахивать указкой.

– А почему ехать час? – миролюбиво поинтересовалась Кира, сделав пару дыхательных упражнений. – Я думала, Рига – маленький город.

– Гостиница – в Юрмале.

– А это далеко?

– Юрмала – все побережье. Есть поселки ближе, есть – дальше... Не могу сказать, что наша гостиница рядом с концертным залом, зато там кругом сосны и тишина.

И вменяемые цены. Вслух Саакян этого не сказал, потому что привык демонстрировать пренебрежительное отношение к деньгам, но Кира знала, что Эрик – не из семейства нефтяных магнатов. Как и всякий армянин, он любил казаться эдаким солидным мужчиной, однако в этом было больше наносного, внешнего.

Он избегал разговоров о своей работе. Уклончиво отвечал «в банковской сфере». Но это могло означать что угодно: от уборщика до топ-менеджера. Вот только вряд ли большой босс стал бы мотаться по клубам с попытками рассмешить избалованную московскую публику. И тем не менее Саакян вечно ходил в шмотках с иголки, благоухал дорожными духами и на юных неопытных нимфочек производил неизгладимое впечатление. Особенно когда улыбался лукаво и тягучим баритоном с хрипотцой сообщал:

– Я сейчас занимаюсь одним крупным проектом...

Девушки прижимали пальцы к губам и кокетливо поводили плечиком, а Киру разбирал смех. Слишком много лет она провела в закулисье с армянами: без них бы не было КВНа. И понимала, что крупным проектом они могут назвать в том числе и затаскивание дивана на двенадцатый этаж. Да, чув-

ство юмора у Саакяна было отличное, но по размерам ничуть не уступало его любви к внешнему лоску.

– Я уже распорядился, чтобы тебе подготовили соседний номер, – сообщил Эрик.

Кира хмыкнула: иначе он бы не мог сформулировать.

– Прекрасно.

– И даже не устроишь мне разнос за самодеятельность?

– Лучше расскажи, какие планы.

– Репетировать до посинения... КВН послезавтра.

– Ты так и не объяснил, почему вдруг в сентябре. Всю жизнь его проводили летом.

– Так это уже второй раз. Летом был музыкальный фестиваль, теперь какой-то юбилейный... Я не вникал, главное – нашу команду позвали. Вызвали с того света. Ну а ты?

– Что я?

– Когда ты собиралась рассказать про своего мистера Офисный Планктон? Вы уже назначили дату?

– Саакян, с каких пор я должна отчитываться о своей личной жизни?

– Я же не скрываю от тебя своей.

– Ты и не спрашиваешь, хочу ли я о ней слушать.

– Ты просто не в духе, – Эрик невозмутимо сверился с навигатором. – Скоро поворот. Смотри в окно, здесь потрясающие виды.

Однако не успела Кира погрузиться в созерцание прибалтийских сосен и аккуратных домиков, как Саакян снова на-

рушил тишину:

- Так что, он тебя так просто отпустил? Недальновидно.
- Это тебя не касается, но у нас с ним ничего серьезного.
- Свободные отношения?
- И никаких обязательств.
- Тогда он тем более идиот.
- Эрик! – возмутилась она. – Какая вожжа попала тебе под хвост?! Мне что, сдохнуть старой девой? Или каждого парня приводить к тебе на одобрение?
- Старой девой? – протянул он сладострастно. – Значит, ты еще никогда не...
- Саакян, еще слово – и тебе не жить!
- В этом нет ничего постыдного, – продолжил Эрик, и Кира поняла, что он ловит девиц этим липким голосом, как паук мелкую мошкарку. – Я всегда готов предложить тебе услуги экскурсовода по миру плотской любви.
- Придурок. Останови машину.
- Да я же шучу!
- Останови, я сказала.
- И что, пойдешь пешком?
- Катись в свой мир плотской любви.
- Скворцова, честное слово! – Он притормозил у обочины и повернулся к ней: – Где твое чувство юмора? Ну, прости, окей? Не хотел тебя задеть. Вы, девственницы, такие обидчивые...

Она устало прикрыла глаза и потерла переносицу. Он про-

сто издевался! А она каждый раз велась на его гадкие под-
колы.

– Езжай, – выдохнула она наконец. – Но только потому, что мне жалко денег на такси.

– Без обид?

– Мне тридцать два, Эрик. Я прошла огонь, воду и мед-
ные трубы. И если кому и нужен экскурсовод, то не мне. Уж
скорее я тебя чему-то научу, чем наоборот.

– Подумать только, а я еще сомневался, стоит ли звать те-
бя в Юрмалу! – Он покачал головой. – Поездка становится
все интереснее.

Небольшой частный отель за кованым забором терялся в
обилии хвои. Тут красовались и традиционные сосны с вы-
тянутыми розоватыми стволами, и можжевельник с синими,
будто заиндевевшими ягодками, и острые пики туй. Среди
ажурных ветвей выделялись кожистые листья магнолий, на
газоне лежали покатые валуны, заросшие диковинными мха-
ми. С моря тянуло прохладой, дышалось легко, хотелось дви-
гаться медленнее, меньше говорить и слушать ветер.

К сожалению, на Эрика это чувство не распространялось.
Он трепался с каждым, кто попадался им навстречу, а в
преддверии фестиваля гостиница была забита коллегами по
комедийному цеху, как жестяная баночка шпротами.

Старая армянская команда вернулась из небытия, многие
ее участники давно не виделись друг с другом. На какое-то
мгновение Кире показалось, что она приехала не в Булдури

– так называлось местечко, – а в окрестности Еревана.

Ей не терпелось увидеть море, прикоснуться к соленой воде, ощутить босыми пятками знаменитый белый песок. Подхватив чемодан, она оторвалась от Эрика, поспешила в отель, чтобы зарегистрироваться и бросить вещи.

Сентябрь чувствовался в воздухе, градусов двадцать, не больше. Но Кира так давно не была на пляже, что влезла в джинсовые шорты, бесформенную футболку с Симпсонами и, нацепив очки от солнца, кинулась к большой воде. Благо искать долго не пришлось: море лукаво подмигивало ей из-за деревьев.

Едва ступив на песок, Кира разулась и пошевелила пальцами. Стоять было немного прохладно, но дико приятно. Пляж пустовал, у кромки воды чернели намытые прибоем водоросли и коряги. Она села прямо так, ничего не подстилая, и запрокинула голову назад. Мир исчез, только в ушах чуть слышно шуршало море.

Ей было непривычно, но необходимо побыть одной. Присутствие Катюши вроде бы и не напрягало Киру, но вместе с тем теперь она ощутила, как расслабляется и отпускает свои мысли, как будто раньше не могла себе этого позволить.

Жизнь течет странно. Иногда ее движение кажется размеренным и плавным. словно все подчинено единому плану. И только ты решишь, что уловил закономерность и знаешь, что будет завтра, как все вдруг рушится и события сменяют друг друга с немыслимой скоростью.

Кира сама не поняла, как вдруг идея стать матерью завладела ее существом. Месяц назад она ничего подобного не планировала. Но вот в ее чемодане лежат таблетки, инструкция доктора и последняя распечатка УЗИ, дающая надежду на благополучный исход. Ума Тагировна назначила день зачатия, а в Москве готовится исполнить свою роль Антон. Разумеется, роль эта ему неизвестна. Но, как и любой половозрелый мужчина, он вряд ли откажется от приятного бонуса.

Как это будет? Вдруг все получится? Тогда через пару недель она уже будет ждать ребенка. А если это был только порыв, а на самом деле она совершенно не готова стать матерью? Ведь у нее нет никаких тылов. Не самая высокооплачиваемая работа, квартира с окнами на проезжую часть. А если не справится, что тогда? На этот вопрос Кира не готова была ответить.

Она поклонялась по пляжу, пиная ногами песок. Знала, что ей не найти никакого янтаря, но все же неотрывно всматривалась в молочные дюны. Совсем потеряла счет времени и в отель вернулась, когда дело шло к ужину. Но не успела она поднести к замку ключ-карту, как из соседней двери вылетел Эрик.

– Где тебя носило?! – возмутился он.

– Ты что, дежурил здесь, чтобы напугать меня? – проворчала она, заходя к себе в номер и рассчитывая, что он проявит деликатность и отстанет.

– Случайно увидел с балкона. Думал, ты потерялась.

– Да, мы, девственницы, очень легко теряемся.

– Ха-ха, – протянул он.

– Почему ты не на репетиции? – Она недовольно смотрела, как он по-хозяйски усаживается на ее кровать.

– Так я и был на репетиции. Сейчас перерыв на ужин, потом снова. Пока все равно у Томска прогон.

– Приятного аппетита.

– Пошли с нами! – Он провел рукой по волосам. – Команда угощает.

– Эрик, что мне там делать? Вы вечно говорите по-армянски.

– Пойдем-пойдем! Хороший ресторан и свежайшая рыба. Что скажешь?

– Слушаюсь и повинуюсь, Эрик-джан, – она склонила голову. – Можно мне теперь принять душ? Или это тоже лучше делать с вашей командой?

– Ты злая женщина! – Он встал и направился к двери, но на полпути обернулся: – Только это... Оденься поприличнее. Ну, хотя бы не в шорты.

– По-твоему, я хожу по ресторанам в шортах? – Она подбоченилась.

– Да нет! И твои ноги не такие страшные, как я думал, – он подмигнул. – Но это приличное заведение.

Она замерла, придумывая какую-нибудь гадость в ответ, но неожиданно расплылась в улыбке.

– Не сомневайся, Саакян. Я оденусь по высшему разряду. И этот ответ обескуражил его сильнее, чем любая из шуток.

Кира не умела носить платья. Люто их ненавидела, с детства чесалась от пышных юбок и вообще считала, что сидят они на ней как наряды на ручных собачках. Поэтому когда в числе покупок Ольги обнаружилось нечто с подолом, благодарно кивнула и молча запихнула тряпку в шкаф. Но собираясь в Юрмалу, вспомнила про приличное общество, продюсеров и прочую богему, поэтому на всякий случай упаковала платье с собой.

Хвала Ольге, оно было не слишком вульгарным. Простое, черное, до колен. Липкина что-то рассусоливала, мол, такое должно быть у каждой женщины. И, в общем, оно бы казалось скромным, если бы не глубокий вырез сзади. К нему прилагался некий недолифчик. Соединенные чашечки без намека на бретельки или крепления. Судя по всему, держаться они должны были на честном слове и капельке магии. Но Киру уже ничто не могло остановить. В ней появилось какое-то отчаянное стремление доказать себе, миру и Эрику Саакяну, что она – женщина. Возможно, так действовали на нее гормональные препараты, но ей доставило странное удовольствие наблюдать за своим новым отражением в зеркале.

Ни колготок, ни каблучков у нее с собой не было. Но ведь Эрик сам сказал: не такие уж и страшные ноги. Поэтому влезла в простые балетки. Да, холодно с голыми ногами. Да,

кожаная куртка – не лучшее дополнение к платью. Зато она распустила волосы и смазала губы блеском. Не все сразу, верно?

Саакян ждал ее внизу и, едва увидев, чуть подался назад, чтобы лучше рассмотреть.

– Ты ли это, Скворцова? И у кого ты сперла платье?

– Я одного не понимаю: как тебе до сих пор удается кого-то цеплять с такими манерами? – атаковала она, пытаясь не казаться задетой. – Веди к еде, иначе я закушу тобой.

– Маленькая акулка, да? Тебе понравится, – он легонько подтолкнул ее вперед.

– Сомневаюсь. Твоя борода застрянет у меня между зубами.

– А ты начни с филе.

– Мерзкий ты тип, Саакян! – Она мотнула головой и скривилась: – Только ты мог отбить аппетит человеку, который не ел весь день.

До ресторанчика было идти метров двести по уютной зеленой улице, освещенной печальными цаплями фонарей. Но Кира торопливо шагала, не отвлекаясь на любование вечерним пейзажем. Ей было холодно. Чудовищно холодно. Сквозь тонкие подошвы балеток она всей стопой ощущала стылый асфальт, морской ветер бесцеремонно лез под юбку, а гладкая подкладка тоненькой кожаной куртки не грела, а, наоборот, охлаждала. Кира сжала пальцы, впившись ногтями в ладони, и старалась согреться хотя бы от быстрой ходь-

бы.

– Куда ты несешься? – Саакян еле поспевал следом.

Но она видела перед собой лишь неоновую вывеску с тарелкой и вилкой и летела к ней, как мотылек на свет.

– Подожди, стой! – Двести метров заставили Эрика запыхаться. – Дай я хоть куртку возьму, а то ты прямо так и кинешься есть.

Она послушно замерла и позволила ему стянуть с нее бесполезную вещицу. И вдруг осознала, что сзади слишком тихо.

– Что там? – Она обернулась. – Чего ты там увидел? У меня паук на спине, да? Страхни!

Она убрала волосы на бок.

– Это... что? – ошалело выдавил Эрик.

– Где?

– У тебя спина голая!

– И? – Она свела лопатки.

– А лифчик где? – пробормотал он.

– Пусть это будет тебе загадкой на вечер, – Кира самодовольно подмигнула и, расправив плечи, двинулась в зал.

Она пыталась соблазнительно покачивать бедрами, как делают роскошные дивы, но вышло так, будто у нее расшатались тазовые суставы. В конце концов она споткнулась и чуть было не потеряла туфлю. Плюнула на эту затею и перешла на обычный шаг среднестатистического пешехода.

– Не знаю, кого ты изображаешь, – догнал ее Эрик: от его

растерянности не осталось и следа, и лицо вновь выражало львиное превосходство. – Но выходит так себе. Завязывай с этим, мать, пока не свернула лодыжку.

– Тебя забыли спросить, – буркнула она, прислонившись к дверному косяку, чтобы поправить задник балетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.